

Павел КОШЕЛЕВ

ПУБЕРТАТ ЗЕМНОВОДНЫХ

Повесть

*Сделать душу добрее, а поступки мудрее...
Из гимна школы № 2 г. Северодвинска*

*I am the lizard king
I can do anything
Из песни The Doors*

I

Девственности я лишился в последний день лета.

Вокруг валялись скрюченные огнем полторашки, выцветшие упаковки от чипсов, бутылочные осколки и наверняка собачье дерьмо. Небо было высоким и мутным. Я смотрел в него, щуясь от боли, а Лиля, сняв для удобства только одну штанину, упорно пыталась вставить, но у нее никак не получалось.

Глядя в небо Северодвинска, я терпел свою притупленную алкоголем боль, ведь мне казалось, будто Лиля знает, что делает. Приходится не раз обломаться, прежде чем усвоится фундаментальная истина: никто ничего никогда не знает. Но уяснить это однажды недостаточно, желательно повторять ежедневно, как мантру: никто, ничего, никогда.

Боль вдруг сделалась нестерпимой, и я машинально схватил Лилю за бедра, пытаюсь удержать от давления. Бедрa были холодными.

– Руки убрал, – приказала она.

Стало еще больнее, и я зажмурился.

По разбитой дороге, протянутой за кустами в нескольких метрах от нас, продребезжал грузовик. Когда его грохот смолк, Лиля испуганно произнесла, замерев:

– Кажется, у тебя кровь... Я думала, в первый раз только у девочек кровь бывает.

Название этой травмы я узнал уже позже, из интернета.

А тогда, как от йода или зеленки, зашипел от вампирского способа дезинфекции, спонтанно примененного Лилей. Мы поднялись, застегнулись и вышли обратно к той самой дороге, соединяющей город и гаражи. Продолжили идти в сторону знакомых пятиэтажек, делая вид, что ничего не произошло. Мне это давалось труднее, ведь я знал и чувствовал, что трупы все сильнее пропитываются кровью.

Первые пару минут Лиля, поглядывая на меня, виновато молчала, но вскоре решила, что если я тоже молчу, то ранение не такое уж и серьезное, а значит, раскаяние можно не изображать.

– Вскрываю девственников, как шампанское! – выкрикнула она в прыжке, и ее сухие и рыжие, похожие на оголенную проволоку волосы победоносно взметнулись.

Павел Кошелев родился в 1997 году в г. Северодвинске (Архангельская обл.). В 2015 году поступил в Рязанский радиотехнический университет, был отчислен. В 2018 году поступил во ВГИК на сценарно-киноведческий факультет. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Волга». В 2022 году повесть «Фрукты и фруктики», ранее опубликованная в «Волге», вышла отдельной книгой в издательстве «Князев и Мисюк».

В кармане завибрировал телефон. Я ответил.

Голос из трубки спросил:

- Ну вы где там? Скоро? Мы на набережной уже.
- Скоро, – растерянно выдал я в телефон.
- Это кто? Нуна?

Лиля так называла Косухина. Нашего одноклассника. Моего вроде бы все еще друга. Ее парня. Да, ее парня. Лиля, вспомнив об этом, нахмурилась.

- Ни слова Нуне, ты понял? Никому ни слова, а ему особенно.
- Ни слова, – согласился я.

На набережной она напилась и сама ему всё рассказала.

*

А до этого было утро. Отметить последний день лета мы решили с утра, чтобы немного проветриться к вечеру.

Слалом был самым младшим в классе, но когда он заходил в магазин «Ольга» с мотоциклетным шлемом подмышкой и, потирая свою мясистую шею, изучал алкогольный ассортимент, – усомниться в его совершеннолетия было почти невозможно. Почти. И в тот раз он торчал в магазине дольше обычного. А я от этого нервничал.

- Где там этот мудака застрял? – прошипел я во вращающийся перед глазами двор.
- А знаете, Угрюмов, почему вы нервный такой? – с полублаженной улыбкой задал мне Нуна Косухин свой любимый вопрос.

– Почему же? – решил подыграть я ему.

– Потому что вам решительно не с кем трахаться, – безошибочно выдал он свой любимый ответ и придал ускорения карусели, одной ногой оттолкнувшись. – А еще потому что не смотрите реслинг. Агрессию не сублимируете.

Уже в третий раз за утро он пытался впарить мне реслинг, но Лиля не давала ничего ему толком сказать, дергала за рукав джинсовки и отвлекала. Она всегда так делала, когда ей было неинтересно. А интересно ей было только тогда, когда говорили о ней.

- Ну что еще? – взмолился Косухин, когда она снова его отвлекла.
- Ты так и не ответил: мы будем вальс танцевать или нет?
- Ну какой еще вальс? До последнего звонка целый год, ну.

– А партнеров все ищут уже сейчас. Пиздёнки хотят нанять хореографа и скоро начать репетировать. Мне Баня сказала.

Банникова считалась ее подругой, но Лиля, как и всех остальных одноклассниц, звала ее за глаза пиздёнкой. По какой-то явно необъективной причине Лиля считала себя лучше всех, хотя было наоборот.

- Отвечай: будем вальсировать или нет?
- Нет, – ответил Нуна без всяких «ну», с несвойственной ему твердостью.
- Тогда я пошла, – спокойно заявила она.

Мы с Нуной, быстро переглянувшись, спрыгнули с карусели и за пару секунд раскрутили ее настолько, чтобы было страшно даже привстать. Лиля повизгивала и смеялась, удивленная редким моментом своей беспомощности. Мы с Косухиным тоже смеялись, и на секунду, впервые за долгое время я почти почувствовал, что все-таки мы друзья.

Нам было так весело бегать по кругу, что мы не заметили, как вернулся Слалом из магазина.

– Чё, вы теперь вдвоем ее вертите? – выдал он идиотскую, но на удивление прозорливую шутку. Мы остановились. На широком лице растянулась фирменная улыбка дебила. В руке у Слалома был большой и тяжелый черный пакет с бухлом. В кармане – ключ от отцовского гаража.

– Это я их верчу, – слезая с карусели, ответила ему Лиля. – Как солнце вертит планеты вокруг себя. Ясно тебе, чудовище?

*

«Мечта сбывается», – пел из динамика Юрий Антонов.

«И не сбывается», – тут же опровергал он свои же слова.

Время у Слалом в гараже мы жгли всегда одинаково. Забирались в машину-развалюху без двух колес и стремительно, вперемешку, в как можно более случайной последовательности выпивали всё, что с собой принесли. Фоном ради прикола непременно играло какое-нибудь смешное старье. Песня про мечту была нашей любимой, особенно в убудочной клубной аранжировке. Мечта сбывается. И не сбывается. Мы подпевали, и нам казалось, что эта двухколесная железка везет нас к нашим мечтам.

Со Слаломом всё понятно: ни о чем кроме секса, мотоциклов и секса на мотоциклах мечтать он не был способен. Наверняка воображал что-нибудь подобное, когда сидел слева от меня важный, на водительском месте, пошевеливал руль и дергал рычаг в такт музыке.

Лиля мечтала стать великой актрисой. Она готовилась поступать в театральный и регулярно всех истязала стихотворением «Черный человек», которое читала на манер Безрукова, при этом еще и нелепо выпучивая глаза. «Смешно тебе? – спросила как-то она. – Однажды ты купишь дорожный билет на спектакль, а на сцене буду играть я, и ты будешь смотреть на меня и плакать, осознавая, что я – великая актриса, а ты закончил свой физмат и стал унылым инженером с кожаным портфелем и в свитере». Не только она, мы все тогда ошибочно думали, что выбор сдаваемых выпускных экзаменов определяет судьбу.

Поэтому Нуна Косухин мечтал нормально экзамены сдать, хоть куда-нибудь поступить, не оказываясь в армии сразу же после школы. В его случае это было не так-то просто. Успеваемость Нуны рухнула, как только он сделался Нуной, то есть в десятом классе, когда он начал встречаться с Лилей и получил от нее это прозвище.

О чем мечтал я? Точно не о том, чтобы поскорее лишиться так называемой невинности. Тем более с девушкой друга. На загаженном пустыре. Мне хотелось, чтобы меня прославил мой пафосный рэп, все больше и больше напоминавший стихи. Но после определенной дозы алкоголя эта мечта отступала, становилась совсем незначительной и ненужной, поскольку я весь превращался в одно-единственное желание: мне нестерпимо хотелось с шальными эйфорическими опечатками написать и отправить Вере «я тебе лбло и всгда буду любить» либо «иди ты нахуй хаха хахаха!», что-нибудь из этого, одно из двух.

Я себя знал и заранее был готов: достал из телефона аккумулятор, затем сим-карту, и разложил их по труднодоступным местам, чтобы через пятнадцать минут не помнить, где что лежит, и ничего ей не смочь написать, не выставить себя в очередной раз полусбухавшимся истеричным придурком.

– Э, Паштет, ты че вытворяешь? – усмехнулся Слалом, заметив, как я убираю сим-карту в кроссовок.

Я прикинулся, что не слышу его из-за музыки.

– Че делаешь, говорю?! – перекрикнул он Юрия Антонова.

– Ничего. Ты лучше назад посмотри.

– Да вы заебали! Хватит! – предсказуемо переключился Слалом. – Не дай, сука, бог вы салон мне испачкаете – вылизывать будете, ясно?!

Запустив, как обычно, руки друг другу в трусы, Нуна и Лиля жадно целовались на задних. Но пачкать там было нечего. Так называемый салон давно и надежно, в несколько толстых слоев был уделан пивом, настойкой на клюкве, кетчупом, водкой, слюной, лимонадом, мочой и рвотой.

«У него недотрах, вот поэтому он и злится на нас, – объясняла мне как-то Лиля. – Иногда лезет лапоть меня, когда Нуна не видит, но я его бью по рукам. Такой мерзкий он, просто уёба. Не удивительно, что ему тянка его не дает. Но у него она хотя бы есть. Он хотя бы живой человек, а не гуманоид вроде тебя».

На задних утихомирились.

– Че-то вы, додики, скучные. Скучно. Позвоню Бане, она вроде с нами хотела, – заявила Лиля и выбралась из машины. Лиле было скучно почти всегда. Ей наскучивали марки сигарет, венерические болезни, фарфоровые коллекционные куклы, мы. Как-то раз она помогала своей кошке родить и, вытаскивая котенка, случайно оторвала ему голову. Она взбудоражено написала об этом мне, но не прошло и пары часов, как ей стало скучно опять.

– Трахнул бы Банникову? – спросил Нуна у Слалом, подначивая его, предвкушая коронный ответ.

– Банникову? Только если с пакетом на голове, – деловито ответил Слалом, не отвлекаясь от телефона. Он перестал изображать из себя водителя и что-то сосредоточенно набирал.

«Вот ведь мудака, – усмехался как-то раз Нуна. – Его самого по-хорошему целиком бы в пакет завернуть и сбросить с ягринского моста». Слалом никто не любил. Но ему всегда продавали. Да и доступ в гараж не был лишним, особенно в холода.

Я краем глаза заметил, что он переписывается с девчонкой. Судя по всему, той самой, никак не дающей, своей. «Прив, довай увидимся, хочеш?» – печатал он ей. Я ухмыльнулся и осушил пластиковый стаканчик залпом.

Вскоре мы были уже никакие, и нам срочно требовалось ещё.

*

Небо слегка прояснилось, и бледноватое солнце ослепило нас после полутьмы гаража. Слалом выкатил мотоцикл, уселся и вопросительно на меня посмотрел. Мне совсем не хотелось ехать с этим дегенератом, обнимая его за обтянутое кожаной курткой пузо, да еще и когда мы оба в говно. Как выразался в таких ситуациях Косухин: «Я лучше запущу себе в анус красных муравьев».

– Даже не предлагай. Я пешком.

– Кто поедет тогда? Я че там, один вас ждать буду?

– А второй шлем есть? – спросила Лилия.

– Второй член только, – шуткнул в своем стиле Слалом и сам же заржал.

– Ну что ж, давайте поеду я, – предложил Нуна. – На набережную подваливайте-с.

– Чем быстрее припрётесь, тем больше достанется.

Нуна сел сзади, смахнул с лица грязные волосы, чуть недоверчиво глянул на нас. Мотоцикл взревел, за считанные секунды набрал разгон и, подпрыгивая на ямах, скрылся за облаком дорожной пыли, которое сам же только что и взметнул. Мы с Лилей недружелюбно переглянулись и молча пошли за ним следом вдоль пыльной разбитой трассы, немного пошатываясь.

Справа от нас тянулись пустыри, переходящие в камыши и залив. Слева от нас тянулись пустыри, переходящие в город. Впереди бежала взъерошенная собака по своим непонятным делам.

– Можно спросить? – спросила Лилия.

– Спрашивай.

– Тебе действительно в кайф ходить одному по городу с таким сложным лицом?

– Ага.

– Мы с Нуной обсуждали это однажды, после того как случайно тебя увидели, ты еще был, как всегда, в наушниках и не услышал, как мы тебя звали. Нуна сказал, что ты постоянно прикидываешься таким независимым и одиноком, непонятым. Типа тебе на всё похуй. А на самом деле – это у тебя просто поза. По крайней мере, он так думает.

– Похуй мне, что он думает.

– Как обычно. Но на самом деле ты очень хочешь быть душой компании, хочешь, чтобы все обращали внимание на тебя, и тебе не просто очень, а очень-очень важно, что о тебе подумают. Ты же девственник и сыскун, которому одежду выбирают родители, с которыми ты будешь жить лет до двадцати пяти как минимум! Ты целыми днями только и делаешь, что накручиваешь себя по этому...

Лилия уронила сигарету, но тут же подняла и обратно сунула ее в рот. Остановилась. Щелкнула зажигалкой. Лилия курила смешно. Делала короткие, нервные затяжки и демонстративно, как

мартышка, выпускала дым, вытянув губы трубочкой. Она была похожа на дошкольницу, которая играет в курение с помощью погрызенной палки от чупа-чупса.

- И чего ты молчишь опять? Что ты об этом думаешь?
- Что я думаю о том, что много думаю о том, что обо мне думают?
- Не увиливай, говори!
- Давай покажу лучше.

Я отвернулся к кустам и стал отливать, вода струей, как навороченное дачное устройство для автоматического полива.

- Вот, что я думаю. Ага?

Лиля подошла сбоку и с интересом стала смотреть. Она и раньше пыталась увидеть, как я отливаю, когда мы гуляли втроем: резко подходила и пялилась, не давала спокойно мне высосаться. Я прятался, торопливо застегивался, отворачивался от нее. Но в тот раз неловкости быть не могло: я легко на центральной площади города нассал бы себе на голову, будь во мне этанола чуть больше.

– Хочешь, трахнемся? – спросила она неожиданно, но не слишком. Струя на секунду заглохла, но тут же продолжила литься.

- Что, прямо здесь? – задал я чересчур прагматичный вопрос и сам удивился ему.

– Там, – указала она на пустырь за кустами. – А ты где хотел девственности лишиться? – усмехнулась она.

- Не знаю.
- В теплой уютной постельке?
- Типа того.
- С лепестками роз?
- С какими еще лепестками?
- И желательно по любви.
- Это уже чересчур.
- По большой и чистой любви!
- Меня сейчас вырвет.
- Такой, чтобы одна на всю жизнь!
- Всё, перестань.
- Ну так что? – кивнула она на кусты.

Лиля никогда мне не нравилась. Несуразное веснушчатое лицо с немного безумными и большими – похожими на мои – глазами. Ломкие рыжие волосы. Недоразвитое сутулое тело. Глупые грамматические ошибки. Беспочвенная жестокость. Она больше напоминала проблемного ребенка, чем женщину или – окей – девчонку-подростка. Я так по-нормальному и не смог объяснить – ни ей, ни Косухину, ни себе – почему согласился тогда.

*

Когда мы пришли на набережную – Слалома там уже не было. Он с несвойственной ему щедростью оставил всё купленное и поехал к своей девчонке, надеясь, что в этот раз наконец-то сможет ей, как он говорил, засадить.

Нуна и Баня – два полноватых силуэта – сидели в самом конце набережной, на одной из бетонных плит, наполовину утопленных в вязкую землю.

Лиля, издали их увидев, высказала мне подозрение, что они успели пососаться, пока тут сидели вдвоем. Косухин как минимум думал об этом – была уверена Лиля. Он, видите ли, признавался однажды, что ему кажется сексуальной Банникова за счет пухлых гусениц-губ. Может, и думал, может, и кажется, может быть, даже и пососался – чего теперь, напившись, выкладывать карты на стол, хвалиться игрой на опережение?

Лиля подкралась сзади и воспроизвела тошнотворный штамп из кино: закрыла Нуне глаза ладонями.

– Слалом, ты, что ли? Уже засадил? Так быстро?

– Лиля, я очень рада тебя видеть, – сказала Банникова. – Паша, тебя я тоже рада видеть, но не так сильно, как Лилю, потому что она все-таки моя лучшая подруга, а ты просто одноклассник, – проговорила она в своей роботизированной манере, вызванной мощными седативными.

Мы сидели теперь вчетвером, трепались и пялились в грязную воду залива. Справа, похожая на изломанный позвоночник огромного динозавра, тянулась труба старой ливневой канализации. Девчонки, с трудом через нее переползая, бегали в камыши отливать. Косухин много курил. Дымящиеся окурки втыкал в фиолетовое медузе желе, распластавшееся у его паленых кроссовок. Лиля была молчаливая непривычно. Банникова угощала своими успокоительными таблетками, от суммы которых сама была уже настолько спокойная, что спокойней только покойники.

– Я не знаю, что делать, – равнодушно сказала она. – Валя мне предложил танцевать с ним вальс.

– Радуйся. Мне вот не предлагает никто. Нуна, правильно говорю?

– Решительно не понимаю, каким боком замешан здесь я. Обращайтесь к Валентину, раз он такой балерун. Пусть этот бешеный жеребец вас обоих танцует.

– Соглашаться я не хочу, – продолжила Банникова. – Потому что он мерзкий. Занудный, маленький и противный. Но и отказываться не хочу. Потому что никто мне, кроме него, не предложит.

Клюквенная настойка резко напомнила мне про кровь.

– Не парься особо, – сказал я Бане, как будто себе.

– Насчет чего?

– Насчет вальса.

– Какого вальса?

Мы с Лилей и Нуной переглянулись. Банникова была не здесь. Порой меня умиляла ее младенческая непосредственность, помноженная на аптеку и алкоголь.

– Валя предложил тебе танцевать с ним вальс.

– Правда?

На таблетки она подседа после того, как Крюгер – ее старший брат, психопат, представитель дикой природы, с которым я был неплохо знаком в средней школе, – оказался в тюрьме за жестокое и бессмысленное убийство.

– Ну да.

– Ты сама нам только что рассказала.

Она проверила в телефоне.

– Действительно предложил.

Бутылки в черном пакете пустели. Солнце то смотрело на нас, то вновь скрывалось за тучей, как будто давало нам шансы и разочаровывалось опять и опять. На какое-то время Банникова расшевелилась от выпитого, завладела пакетом и стала разбрасывать пустые стекляшки по стономам.

– Какая разница? – повторяла она, хохоча. – Какая вообще разница?

Попадая в соседние плиты, бутылки превращались в осколки, которыми наша несчастная набережная и без того была засеяна от края до края, во всю длину. Бутылки запомнились мне отчетливо, осколки от них – уже нет.

Внезапный прилив прогнал нас на твердую, пока что еще по-летнему теплую землю. Банникова уснула. Мы с Косухиным ползали в дряблой траве счастливые без причины, смеялись, как дураки. Лилю тошнило фиолетовым. До ее признаний и обвинений оставалось совсем недолго. Хорошо, что я не запомнил, как именно они начались.

*

А я всё знаю и помню отлично, хотя меня не было там. «Никто никогда ничего не знает» – правило неплохое, но я – исключение. Я знаю всегда и всё. Имени у меня нет, потому что он так и

не дал мне имени. Мы познакомились в магазине, где вместо того, чтобы немного плеснуть на дно, тупорылая продавщица наполнила банку до края, и я второй день подряд взбалтывал затхлую воду лапами, дотягиваясь еле-еле до воздуха, зачем-то пытаюсь ещё немного пожить, а он стоял семилетний, совсем еще мелкий, в нелепом пуховике и смотрел на меня и подобных мне, болтающихся в соседних банках, но пальцем в итоге именно на меня показал. За сачок, коробочку сухого корма, банку из-под меня и меня самого заплатили мятую сторублевку и в промерзлом городском автобусе отвезли в трёхкомнатную, на девятом этаже квартиру, где мне отведен был округлый аквариум на подоконнике, с видом на море. Немало рыб до меня перешло в этом аквариуме по вине родителей мелкого, которые так и не догадались, что рыбам необходим кислород. Трупики эти они списали на неумение сына заботиться о живых существах, хотя всё он вообще-то умел, однако после серии необъяснимых рыбьих смертей усвоил, что забота бессмысленна, потому моментально забил на меня, даже имени мне не придумал, почти не кормил, а воду менял раз в месяц, когда она зеленела уже. В общем, я быстро понял, что делать мне в этой реальности нечего, и стал мало времени в ней проводить. «Удивительно живучая тварь, – говорил про меня отец семейства своим друзьям, от перегара которых густо запотевало аквариумное стекло. – Света однажды обрабатывала дихлофосом комнату, аквариум забыла вынести, думали, он там сдох, а ему хоть бы что! Да и Пашка распиздяй тот еще, кормить забывает его, а он засыпает просто, как будто дохнет, впадает как бы в анабиоз. Потом через месяц Пашка про него вспоминает, будит и кормит. Он пожрёт и дальше спать». Всё верно. Ещё бы: во сне я мог путешествовать по вселенным, по будущему и прошлому, а в так называемой реальности – только по мной же засранному аквариуму, разница ощутима, не так ли? «Бедный-бедный тритоша, – говорил про меня кто-то из чрезвычайных редких гостей мелкого. – Даже имени нет у него. Ему тут, наверно, очень скучно и грустно и одиноко». Пожалели бы лучше себя. Люди могли бы знать всё про всё, быть везде и всегда, что угодно видеть с любого ракурса, бывать в чужих головах и испытывать чужие чувства, если бы умели спать хотя бы по двадцать три часа в сутки. Но они не умеют. Они вынуждены придумывать себе приключения, развлечения, увеселения. Разве это не жалко? Способность мыслить и видеть сны – вот надежный набор против скуки, которого лично мне хватило на целую вечность. Я и сейчас могу наблюдать за мелким, и наблюдаю, присматриваю за ним. Он пишет и пишет свой этот текст, сокращает и удлиняет обратно, исправляет и переписывает, в разных городах и в разных клоповниках, начал в одном году, заканчивает в другом, начал в одной стране, заканчивает в другой, где на полузаброшенном пляже он встал и вдруг про меня и придумал ввести меня в повествование, писать некоторые фрагменты мной, от моего лица, и ему показалось, что это именно то, чего не хватает. Вообще, он, конечно, смешной, много чего придумывал. Даже придумывал похоронить этот текст, чересчур легкомысленный, видите ли, на контрасте с так называемым здесь-и-сейчас, но текст не дал себя хоронить. Или вот имена придумал героям какие-то идиотские, очевидно фальшивые, дебилские клички раздал. Можно подумать, что с измененными именами прототипам будет не так обидно узнавать в героях себя; что они не возненавидят его сильнее, чем ненавидят уже; что не начнут ему сниться в кошмарах, как герои предыдущей повести. Пусть надеется. Буду и я называть их так, ненастоящими, дебилскими именами. Разве такая уж это проблема? У меня вот вообще никакого, даже дебилского имени нет.

*

Ближе к вечеру я обнаружил себя в незнакомом дворе, лежащим на узкой скамейке. Неподалеку визжали дети, на веревках трепетали белые простыни. Я и сам себя чувствовал так, будто меня, как на жутком аттракционе, прокрутили в барабане стиральной машины: мне было плохо, но весело.

Как персонажа компьютерной игры я поднял себя со скамейки и вывел из двора через арку. В закатном свете редкий для нашего города ровный асфальт напоминал шершавую кожу рептилии. Оглядевшись, я с трудом понял, где нахожусь. Оранжевый глянец панелей недавно построенного торгового центра «Сити» виднелся в паре кварталов направо. Туда я себя и направил.

В тяжелую голову лезла всякая чушь, к примеру, слова похожей на лошадь репетиторши по английскому: «Не путай, наш город – таун, почти что виллэдж. Сити – это Ландон, Нью-Йорк, Сэйнт Питесбёрг, Москоу...». Торговый центр «Сити» хоть и находился на одном из центральных проспектов нашего тауна, но в самом его конце. И потому с трех сторон был окружен камышом и песком, отчего название звучало еще более иронично.

Я подошел. Створки автоматической двери не успели толком разъехаться, а через их стеклянную поверхность я уже смог распознать Антона по прозвищу Антонио. Он стоял между двух эскалаторов в черной, как обычно, рубашке и черных брюках, с букетом белых цветов. Последнее, чего мне хотелось тогда – это трепаться с Антонио, предпоследнее – находиться под его хитрым дотошным взглядом.

Мне вспомнилось, что однажды я уже видел его с цветами, вернее, с одним цветком, тоже в торговом центре, кажется, в «Радуге», и тоже через стекло, но через стекло витрины: я находился в одном из отделов. Антонио с красной розой в руке на секунду застыл в коридоре, энергично, даже слегка взволнованно огляделся (тогда небольшое волнение еще было свойственно ему перед свиданиями) и торопливо ушел.

– Надо же, – задумчиво сказала полноватая продавщица своей напарнице, – такой маленький, а уже романтик. С цветочком.

Она влюбленными глазами смотрела туда, где он стоял пару секунд назад. Ее реплику я воспринял как изощренный упрек в свой адрес, ведь я сидел на мягкой табуретке для примерки обуви и ждал, пока вернется из примерочной мама, и продавщица как будто сказала мне: «Твой одноклассник уже по бабам ходит, а ты – с мамой по магазинам. Не стыдно?» Но ничего подобного она, конечно же, не имела в виду. Продавщица не знала, что мы ровесники, я выглядел младше на несколько лет и в отличие от знойного переростка Антонио ни о каких свиданиях в свои девять лет подумать даже не мог.

– Что, котёнок, утомился? – спросила ее напарница. – Кто это у тебя на штанах, мишка?

– Это не мишка, – угрюмо пробормотал я, – этомышь.

Спустя восемь лет построился новый торговый центр, автоматические двери его разъехались, и Антонио, тут же заметив меня, хищнически улыбнулся. Развернуться и уйти было бы глупо, глупее только стоять на месте. Поэтому я пошел к одному из эскалаторов, надеясь, что Антонио обойдется приветствием издалека, не заговорит со мной, но Антонио заговорил. Как всегда, я почувствовал себя рядом с ним всё тем же ребенком в комбинезоне с мультяшной нашивкой, прикрывающей дырку в штанине.

– Рюкзак собрал уже? Дневник купил? – прикалывался Антонио, как будто бы прочитав мои мысли. Я пожал его цепкую ладонь. – О-хо-хо, какой рюкзак, о чем я вообще? Да от тебя алкахой несёт, малыш!

– Отметили слегка, – улыбнулся я чуть заискивающе. – Последний день лета и всё такое.

– Слышал про вальс? Про то, что тёлки решили заранее озаботиться.

Я ответил ему, что слышал.

– И что думаешь?

– Ничего. Я-то здесь при чем?

Антонио свободно расхохотался. В поведении окружающих его часто веселили неожиданные вещи, юмор которых понятен был только ему. Как человек в зоопарке смеется над обезьянами, осознавая родство, но и превосходство, так и Антонио забавляли наши зажимы, законы, неуместные фразы и непредсказуемые поступки. Он смеялся над нами искренне, с каким-то даже восторгом, обнажая белоснежные и ровные, как у Юрия Гагарина, зубы, источая недосягаемое психическое благополучие.

– Я вот Мухе пытаюсь объяснить, что вальс – это не зашквар.

– И как, успешно?

Он заглянул в телефон, чтобы проверить время. Похоже, девчонка опаздывала. 19:05. На экране блокировки президент с голым торсом сидел на буром коне.

– Пока не очень, – Антонио убрал телефон. – Ему, правда, никто пока и не предлагал. А вот мне предложения уже поступают. Даже и не знаю, что делать. Их много, а я один!

– Сделай Мухина секретарем. Пусть разбирает корреспонденцию.

– Что-что разбирает?

– Корреспонденцию. А потом проведите аукцион: кто больше заплатит за право с тобой вальсировать. Или кастинг организуйте.

Антонио мой бред не слушал, он, вытянув шею, высматривал ту, которой предназначался букет. Я оглянулся и сразу определил ее, выделил из толпы. Она была не из нашей школы. Она вообще выглядела так, будто выпустилась лет пять назад, только не совсем понятно откуда: из школы или из коробки для куклы Барби.

– Всё, давай. Дневник не забудь заполнить, – бросил он мне на прощание.

Поднимаясь на эскалаторе, глядя на то, как они уходят в коридоре ярких витрин, я подумал, что у Антонио первый раз наверняка был совсем не такой, как мой. Может, без лепестков, может, не в такой уж и теплой постельке, может, не по большой и чистой любви, но уж явно не с девушкой друга посреди придорожной помойки, с кровавыми брызгами, в пьяном полубреду.

Я зашел в туалет. Из зеркала на меня посмотрело нечто с приставкой недо. Недонечто – новый супергерой на страже Северодвинска: красноглазый, бледный и охувевший.

Закрылся в кабинке, расстегнул ремень и, болезненно щурясь, заглянул в потвердевшие от застывшей крови трусы. Убедился, что кровотечение приостановлено, выбрался из кабинки. Умылся несколько раз холодной, немного глотнул из-под крана. Недонечто проделало все это вместе со мной.

– Похуй, – глядя в зеркало, прошептал я ему и вышел из туалета.

Солнце скрылось, но было еще светло, просто все окрасилось в голубоватый оттенок. Я сел на скамейку у входа. Мимо гоняли малые на скейтах и ходили с пакетами взрослые, разговаривая по мобильным. Я вспомнил про свой.

Достал из кармана сим-карту, вставил, врубил, подключился к интернету и обнаружил непрочитанное сообщение. Сообщение было от Веры. Дважды, сначала бегло и жадно, потом вдумчиво и дотошно его прочитал, пытаясь поверить. Потом перечитал. И перечитал еще. И еще. Стемнело. Над парковкой вспыхнули фонари. Чуть выше них половина луны светила сквозь грязное облако.

Не знаю, чего во мне было больше: счастья или растерянности.

Вера предлагала мне танцевать с ней вальс на последнем звонке.

II

Лиля потеряла девственность в теплой уютной постельке, без каких-либо выкрутасов за исключением того, что ей было всего четырнадцать, а парню – с юридической точки зрения педофилу – уже девятнадцать лет. Лиля любила рассказывать, что у парня этого был гигантский, как она выражалась, прибор, в котором «чувствовалась надежность». От этих ее рассказов Нуна Косухин бесился каждый раз, как впервые. К педофилу с надежным прибором он ревновал ее сильнее, чем к кому-либо, а ревновал он много к кому: к слабоумным братьям-близнецам из тренажерного зала, куда они с ней вместе ходили; к Антонио, который нравился Лиле не меньше, чем всем остальным; к актеру Сергею Безрукову, за которого Лиля почти серьезно мечтала выйти когда-нибудь замуж; к преподавателю сольфеджио, глядя на которого Лиля якобы мастурбировала под партой во время урока, пока Нуна ждал ее в холодном и бледном, похожем на морг фойе музыкальной школы.

Единственным, к кому он не ревновал ее – был я. И, как выяснилось, единственным, к кому действительно стоило. Но откуда Косухину было об этом знать?

И вот наступил день знаний.

На последней для нас линейке в честь первого сентября мы трое стояли отдельно от одноклассников, чуть позади всех. В наших головах грохотали пригородные поезда и большие белые птицы хлопали грязными крыльями. Отчетливо пахло осенью, солнечный свет не грел.

Из пердящих динамиков доиграла суицидальная песня про первоклассника, на крыльцо вытащилась директриса, чтобы прокурренным голосом говорить в микрофон пафосную бессмыслицу, напутственные слова.

– Ну? – произнес Нуна, вынимая сигарету из пачки. – И не стыдно вам, господа?

Мы уже попытались втроем восстановить подробную хронологию вчерашних событий. Воспоминания прикидывались снами, а сны – воспоминаниями. Каждый из нас помнил мало и сильно при этом недоговаривал, поэтому вместо цельной истории получился уродливый нерабочий трансформер с перепутанными конечностями.

– Нет? Не стыдно? – снова спросил Косухин, прикуривая от спички. Курил он еще смешнее, чем Лиля: затягивался очень сосредоточенно, замирая и глядя внимательно в одну точку, отчего становился похож на тормознутую рыбину.

– А тебе самому-то не стыдно? – ответила Лиля находчиво.

Косухин болезненно усмехнулся, отвел свои голубые, с полопавшимися капиллярами глаза. Обсуждая вчерашнее, каждый из нас предпочел смолчать о некоем подобии групповухи, имевшей место после того, как Банникова проснулась и ушла домой. Групповуха нами осуществлялась в сумрачно-полубоморочном состоянии и в основном при помощи пальцев, но все-таки осуществлялась, и Косухину деться от этого было некуда.

– Да, правда ваша, я тоже набедокурил, – Косухин от нас отвернулся совсем, уставился на директрису. – И тем не менее, по нигде не зафиксированному пацанскому кодексу, я должен бы вас отмудохать, Угрюмов.

– Так чего же ты медлишь, голубчик? Мудохай, пизди, хуячь!

– Ни того, ни другого, ни третьего я делать отнюдь не намерен. И на то у меня, как в известной песне, есть пять причин.

– Целых пять? Ну и ну. Косухин, озвучьте же их немедленно!

Я сказал это только чтоб поддержать наше фирменное придуривание. На самом деле причины мне были известны. Косухин гордо молчал, не хотел проговаривать их.

– Ну так что там насчет причин?! – вскипела Лиля, она нервничала каждый раз, когда мы расшаркивались друг перед другом и своими великосветскими кривляниями отнимали ее актрисулкин хлеб.

– Причина первая: ты долбоёбка; вторая: он долбоёб; третья: судьба свела меня с долбоёбами вами! Остальные две можешь придумать сама.

Они переругивались ни о чем, а я увидел Веру в толпе и залип. Ее осеннее пальто показалось мне еще более ярким и более желтым, а Вера – более красивой, чем обычно. Видимо потому, что еще более уродливым после вчерашнего казался себе я сам.

Линейка кончилась тем, что Антонио протащил на своем горбу первоклассницу, звенящую в колокольчик. Об этом грязно и предсказуемо пошутил подошедший к нам Слалом, а после стрельнул сигарету и горестно сообщил, что засадить вчера снова не получилось. А что интересного было у нас? Мы ответили, что ничего.

*

Пять причин Косухина не устраивать драку со мной:

1) Будучи истинным поклонником реслинга, драться он не умел и не любил. Я, в общем-то, тоже, хоть и имел в этом деле чуть больше опыта, горького в основном.

2) «А тебе самому-то не стыдно?». Косухину нечего было ответить на этот простой вопрос.

3) Физическое увечье было вчера получено мной и так. Да еще и весьма изощренное, посерьезнее садин и синяков.

4) Косухин ощущал вину за то, что в начале десятого класса, поддавшись манипуляциям Лили, практически перестал общаться со мной в непростой для меня период первичной влюбленности в Веру, отчего нашей дружбе, по сути, пришел конец.

5) «Мы больше так не будем!», как говорилось в детском саду. Мы пообещали Косухину, что больше подобного не повторится, и он поверил нам почему-то.

Тем же вечером Лиля мне написала:

«Давай попробуем еще раз, ничего ведь и не было толком, ты мне просто штанину своей кровякой запачкал и всё, поэтому предыдущий раз не считается, а мне нужно поставить галочку, понимаешь? Понимаешь? ТЫ ПОНИМАЕШЬ?! Хорошо, что ты понимаешь. Ну так вот, нам необходимо пару недель подождать, пока у тебя там все заживет, а потом еще раз попробовать. Как тебе такая идея? А? Отвечай!»

Шанс отказаться как будто лежал в моем правом нагрудном кармане и грел меня. И успокаивал. Другой совсем шанс отказаться тоже лежал в нагрудном, но левом, у сердца. И беспокоил.

«Мне нужно подумать» – в обоих случаях был мой ответ.

*

– Ну и чего же тут думать? – спросил Косухин, не отрывая глаза от доски, разумеется, имея в виду не Лилу, а Веру. Прошло три дня, а я ей так и не дал окончательный ответ насчет вальса.

– Да странно как-то. Весь прошлый год игнорила, а теперь вдруг вальс.

– Разглядела, быть может.

– Или пожалела. Или решила поиздеваться.

– Кончайте, Угрюмов. Всюду вам видятся злые умыслы, заговоры, проклятия. Мир вовсе не против вас, ему на вас начихать.

– Может, и разглядела.

– Ежели станете романтической парой, извольте сделать алаверды, организуйте мне с ней половой инцидент, я ведь тоже хочу побегать по набережной с кровавым хером наперевес.

Страх Паши Угрюмова № 54: у него появится девушка, и Нуна постарается с ней переспать в отместку.

– Ну-ну, не кривитесь вы так, Угрюмов, это всего лишь шутка.

– Потихице там, – приструнила его Тамара Владимировна. Мы с Косухиным перерисовывали за ней решение задачи, воспринимая его как целостный иероглиф, не различая толком ни форму, ни даже отдельных букв. В конце девятого класса Косухин выбрал физико-математический профиль по расчету, а я по ошибке – никто из нас не по любви. При желании профиль можно было бы поменять, но удивительное безволие, свойственное тогда нам обоим, заставляло нас продолжать наблюдение за inferнальным мельканием малознакомых символов на доске. Экзамен мы надеялись сдать, полагаясь по большей части на интуицию, везение и мышечную память.

– В общем, если вы, Павел, откажетесь, – страстно нашептывал мне Косухин, – то можете считать, что к вам ангел спустился с небес, а вы ему в рожу харкнули.

На Веру я западал далеко не один. В разной степени Вера нравилась каждому. Даже учитель информатики – пивной алкоголик, похожий на выдру прокуренный хмырь, – на каждом своем уроке хрипло кокетничал с ней, а когда ей нужна была помощь, склонялся к ее монитору специально так, чтобы между его покрасневшей, плохо выбритой рожой и её смугловатой нежнейшей кожей на щеке оставалось несколько крошечных сантиметриков.

Привлекательность Веры была общепризнанным фактом. Никого влюбленностью в Веру было не удивить.

Я даже испытывал стыд за свой заурядный вкус и в то же время смутно подозревал, что вполне мог влюбиться в нее как раз потому, что такой очевидный выбор никто не сумел бы как следует высмеять. Но я не видел смысла чересчур глубоко погружаться в подобные рассуждения. Разве имеют значение особенности устройства бомбы, которая уже взорвалась?

«Косухин прав насчет ангела», – я подумал.
Вечером ей написал, что согласен на вальс. Иначе и быть не могло.

*

Поначалу влюбленность его была так возвышенна, что он даже принципиально на Веру не она-нировал. Помилуйте, разве можно себе представить, чтобы Данте надрачивал на Беатриче? Пет-тракка рукоблудничал на Лауру? Юный Вертер передергивал на Шарлотту? Вообще-то, пожалуй, да, при наличии сносной фантазии всё это запросто можно себе представить, но мелкий подобного представлять не хотел, как и Веру с раздвинутыми ногами. Лишь приличным мыслям о ней он по-зволял посещать свою голову, которой постукивался об пол, лежа в темноте нашей комнаты и любуясь своим страданием. По шестьдесят раз в минуту его швыряло из отчаяния в эйфорию и обратно. Ему казалось, что он так может сойти с ума. Он знал про гормоны, он слышал про то, что любовь – лишь набор химических процессов в мозгу, он даже вообразжал себя циником, но на деле лежал на полу и бился башкой об пол. Запрет онанизма на Веру безвозвратно нарушился лишь весной. Мелкого спровоцировала фотография: Вера лежит, выгнув спину, на ней кружевное бельё; немного согнутые в коленях ноги тянутся вдаль, через весь магнетический фотоснимок, обнаружив который на странице у Веры, мелкий испытал экзотическую смесь возбуждения, сочувствия и зло-радства. Фото появилось там после того, как ведомый любовной досадой некто взломал ее плохо защищенный аккаунт, отыскал компромат в переписке с бывшим бойфрендом, которым являлся Антонио, и немедленно обнародовал. Разумеется, фото исчезло уже через час, но за этот час его многие успели скачать. Больно задумываться о том, сколько терабайт генетической информации очутилось в северодвинской канализации в результате проделки одного лишь несчастного поклон-ника Веры. Кто был тем поклонником – не знает никто. Кроме меня, разумеется. Может быть, вы, читающие это, сумеете догадаться? Кстати, Антонио той весной получил заслуженный, но непривычный тройбан за четверть по одному из предметов.

*

Мы шли в противоположном от города направлении, перебирая ногами мокрые шпалы. Из-за густого тумана казалось, что рельсы проложены через молочную кашу. Лиля внимательно слу-шала, как я рассуждал со спокойствием игуаны:

– Обидно, конечно. Бинго с первого раза, с нулевого, можно сказать. Но ведь мы с тобой заслужили это. Мы неправильно поступили тогда и снова собираемся неправильно поступить.

- И почему же ты согласился?
- Сейчас или тогда?
- И тогда, и сейчас.
- Не знаю.

Иногда нам навстречу выныривали из тумана собачники или женщины в спортивках, кото-рые смогли себя убедить, что прогуливаются «на природе» в свой выходной. Выходные – это плохо. В выходные у родителей тоже выходные, и поэтому они дома. Будни – тоже плохо, потому что школа, но школу можно и нужно прогуливать. С другой стороны, родителей прогуливать тоже можно, чем я и занимался.

– Ничего мы на самом деле не заслужили, понятно тебе? Это Нуна во всём виноват. Суёт в меня всякую дрянь, я говорю не надо, а он всё равно суёт. Ручки от расчёсок, карандаши, пульт от телека засунул недавно, свинья.

Лиля заглядывала мне в лицо, пытаясь выявить ревность. Но я даже себя убедил, что помимо привычного к ним отвращения не почувствовал ничего.

– У него, кстати, то же самое, что у тебя. Пятна и чешется. Сдам анализы, и узнаем, что с нами творится.

- Надеюсь, что-то смертельное.
- Посмотрим. Завтра к врачу. А послезавтра что, помнишь?

– Вторник?
– Первая репетиция!
– Я знал, что он согласится.
– Почему?
– Потому что он тебя любит.
– А вот и нет. Я просто много чего наобещала ему взамен.
– Например?
– Например, что во время секса буду его называть Гроссмейстер. Дикая тупость, по-моему, но он давно уже просит.

Гроссмейстер! Я ржал, запрокинув голову в небо цвета беды.

– Наверяд ли он меня любит, вот что. Если и любит, то точно уже не так, как раньше. В последнее время такое чувство, что ему на меня становится похуй. Но ты в этом не виноват, если что. Просто мы слишком давно уже вместе. Целый год, представь? Я бы многое отдала, чтобы все обнулилось и заново началось. Чтобы было самое начало свежих отношений.

– А мне бы наоборот хотелось начало перескочить. Чтобы я с кем-то встречался сразу же в средней, спокойной стадии, где уже нет всей этой романтики-хуянтки, всех этих прикидываний, заигрываний, флирта и прочего кала. Бесят меня эти игры.

– Они тебя бесят, потому что ты в них играть не умеешь! Ты слишком для них холодный. И первые полноценные отношения у тебя если и будут вообще, то лет в двадцать пять, не раньше.

– С чего ты решила?

– Я вижу тебя. Я же ведьма. Не знал?

На мосту мы с Лилей остановились. Внизу непрерывно двигалась темная ледяная вода. Лиля аккуратно плюнула с высоты, просто выпустила по-детски слюну.

– Знаешь, почему у нас ничего не получилось в тот раз? Потому что я сухая была, – заявила она. – А сухая я была знаешь почему? Потому что мы не целовались.

Едва успев это проговорить, она резко ко мне приблизилась, и во рту у меня оказался ее язык. Я не понял, что мне с ним делать, и через пару секунд Лилия разочарованно выскользнула обратно, а я поспешил вытереть рот рукавом ветровки.

– Ты целоваться разучился или как?

– Да я и не умел никогда.

– В каком смысле?

– В смысле не целовался ни с кем.

– Ты шутишь? Ни разу? В семнадцать лет? Ты серьезно? Нет, ты серьезно? Ни с кем? Ни разу? В семнадцать лет?

Она напомнила мне одноклассниц, ушедших после девятого – Иванову и Веселуху, – которые понимали меня, еще даже близко не вступившего в пубертат, подобными вопросиками, подразумевающей, что отрицательные ответы на них являются самым постыдным, в чем только может сойтись человеческое существо.

Лилия допрашивала меня еще и еще, пока не сказала:

– Ладно, гуманоид, давай научу.

Она проговорила мне базовую инструкцию, и я старательно эту инструкцию выполнял. Лилия утвердительно мычала время от времени, таким образом давая понять, что я делаю всё как надо, и трогала через джинсы, проверяя мою готовность. Потом глаза ее блеснули смесью надежды, вины и беспомощности. Она сказала:

– Ну всё, идем.

Мы чуть спустились по насыпи и пробрались под самый мост, оказались на тесной плоскости. Я нервничал и разглядывал разнообразную, в том числе нашу с парнями наскальную живопись, давно замазанную городскими властями везде, кроме подобных мест. «Опусти ебалю!» – гласила надпись, выполненная дешевым маркером на изнанке моста, служившей нам потолком.

– Ну что? Не передумал? Или, может, я слишком испорченная для такого чистенького мальчика?

– Вроде бы нет, – сказал я дрожащим голосом. – Не передумал.

Лиля стала развязывать на кроссовке шнурки.

– Знаешь, классе в восьмом, – болтал я, чтобы отвлечься, – мы с Косухиным очень хотели здесь оказаться, когда поезд идет по мосту. Заценить, насколько это громко. Но у нас так ни разу и не получилось.

– Потому что вы неудачники, – она снимала штанину.

– Может быть. Мы либо приходили поздно, либо уходили рано. Специально его выжидать было как-то тупо, а узнавать расписание – скучно. Такие дела.

Она аккуратно присела на узкий, как раз на уровне задницы выступ, предварительно стряхнув с него окурки и бутылочные звонкие крышки. Я достал из кармана презерватив, украденный из отцовской тумбочки.

– Убери. Это мерзко. Как будто тебя трахают пальцем в резиновой перчатке. Мне и так к гинекологу завтра идти, отдуваться за нас троих.

Лиля проследила за тем, как я спрятал гладкий, с зазубренными краями квадратик обратно в карман.

– Я надеюсь, ты не додумаешься в меня кончить?

– Чтобы кончить, для начала надо начать или вроде того. А в тот раз, как ты помнишь, с этим было не очень.

Бетон, окружающий нас, едва заметно вибрировал.

– Ну так давай, – она направила на меня стеклянный взгляд исподлобья и медленно раздвинула ноги, будто створки окна с гипнотическим видом. – Начинать.

*

Мы выбрались из-под моста и, стоя под моросящим дождем, смотрели вагонам вслед. В нашем восприятии город располагался на самой окраине мира, и получалось, что поезд ехал за край, неясно куда, сквозь болота и камыши, вдоль мрачного побережья.

– Однажды я видел собаку, которую он переехал напополам.

– О да, это именно то, что каждая мечтает услышать сразу же после секса. Мудак ты, Угрюмов. И чудик.

Город надвигался на нас. Мы возвращались туда предателями, теперь уже безусловными, без возможности оправдаться бухлом или тем, что ничего и не было толком. Всё было.

Лиля спросила:

– Совестно?

– Только если чуть-чуть.

– Пройдет, – отмахнулась она. – Понравилось?

– Вроде бы да. А тебе?

– Было не так уж и плохо. Нормально. Даже на секунду показалось, что ты мне немного нравишься. А насчет финального происшествия – не волнуйся, котенок, у меня безопасные дни.

– Случайно вышло. Из-за этих пятен чувствительность стала другая.

– Да я понимаю, у Нуны тоже непредсказуемо. Но постарайся все-таки больше не делать так, ладно?

– Ага, постараюсь.

– Вот я и подловила тебя, Угрюмов! Какое «ага»? Какое «постараюсь»? Ты забыл, что это последний раз был? Я поставила галочку, всё, ничего у нас больше не будет, даже и не мечтай!

– Не мечтаю.

В каком-то смысле я даже обрадовался, поскольку чувствовал, что теперь мне совсем уже сложно, почти невозможно будет отказаться, если Лиля предложит опять.

– Разве что еще один раз, – ухмыльнулась Лиля. – Самый-самый последний. Или все-таки два? Или три? – издевалась она надо мной.

*

В школе было по-настоящему хорошо только вечером. Блистели безлюдные коридоры, крыше после работы техник; грузные тетки в актовом пыхтели на разноцветных ковриках; вахтер разглядывал сканворды вместо того, чтоб разгадывать их.

А по вторникам мы занимались вальсом в малом спортивном зале на втором этаже. В вальсе, как выяснилось, сложного нет ничего.

– Не танец, а примитив полнейший, – заявила молодая хореографичка, похожая на резинового пупса. – Всё, что вам нужно – это запомнить: вперед шагаем правой ногой, назад отступаем левой. Запомнили?

Я запомнил, я сразу усвоил это и разобрался, но проблема вся заключалась в том, что мне надо было проделывать это не с Баней, не с Нуной, не с Сергеем Безруковым и не с Тамарой Владимировной, а с Верой. Я понял, что буду сбиваться, как только нас попросили встать в пары, и Вера, насмешливо вздернув бровь, вплотную ко мне подошла.

Находясь впервые так близко, касаясь, вдыхая и прочие розовые слюни размазывая, я становился мягкой, набитой сахарной ватой игрушкой и путал всё, что можно было напутать, то есть не так уж и много, всего-то левую ногу с правой, а правую – с левой.

– Да что, блин, с тобой такое? – разлилась Вера, когда из-за меня мы в очередной раз сбились, так и не пройдя целиком скромный путь от шведской стены до окон. Я мечтал задохнуться, боялся расхохотаться, не знал, что ей отвечать.

Иногда – гораздо реже, чем я – Вера тоже косячила и тогда виновато хихикала, уткнувшись своим неправдоподобно тонким, тончайшим носиком мне в плечо, а я смотрел на хищные листья рябины, дрожащие в нервном фонарном свете, и понимал, что не выведу, что никакого вальса не будет, что если со мной раз в неделю будет случаться такой приход, то я просто ёбнусь и всё, какой тут может быть вальс?

Эйфория со временем не ослабла, однако уже на второй репетиции я умудрился сделать ее союзницей, превратить в концентрацию и кураж, так что мы танцевали быстрее и правильней всех: и косолапые Лиля с Нуной, и жалкие Баня с Валеи, и неидеальные Катя с Антонио, и все остальные горе-танцоры явно отсасывали у нас. Понаблюдав за каждой из пар, Вера с облегчением выдохнула:

– Мы не самые худшие, ладно.

– Не самые худшие? Да у нас получается лучше всех!

– Может, даже и так. Но ты особо не расслабляйся.

Расслабиться даже при сильном желании я не смог бы. Знала бы она, но она не знала. Ей было этого не понять. Равновесие не покидало ее, голова от танцев со мной не взрывалась. Ладони у Веры были всегда холодные, и после каждой проходки она с еле заметной брезгливостью торопилась их высвободить. Я вспоминал, как отец говорил, что нельзя руками трогать тритона, он хладнокровный, и от наших касаний ему горячо. Вере не было горячо, только если немного противно. Да, противно, и что с того? На репетициях я выхватывал кайф, который мне от нее раздавался автоматически, независимо от ее ко мне чувств или отсутствия таковых. Я был в жирном плюсе, в беспроигрышной ситуации, по крайней мере, активно пытался в этом себя убедить, наблюдая через окно в коридоре, как Вера ускоренным шагом двигала в сторону остановки. Она каждый раз одевалась и уходила быстрее всех. Не позволяла себе тратить время впустую, а я только этим и занимался.

Вера была слишком взрослой. Даже более взрослой, чем многие взрослые. В шестнадцать уже подрабатывала официанткой в понтовом кафе с золотыми гирляндами на витрине и отчетливо знала, куда, почему и зачем планирует поступать, в то время как я делал вид, что готовлюсь к экзаменам по нелюбимым предметам, практиковался в самообмане, писал и записывал пафосный рэп на краденые инструменталы, до последнего откладывал лечение от кандидоза, напивался у Слаломы в гараже и путался с девушкой друга. В общем, плыл по течению, к зловонным водам которого Вера старалась даже не приближаться. Но мы танцевали в паре.

III

– Можешь называть меня Верой, если это тебе поможет, – предложила Лиля, полуобернувшись и хитро на меня глядя. Она лежала на животе, слегка оттопырив плоскую задницу, а я был сверху, и дышалось мне тяжело, кончить не получалось никак. – Давай же, я твоя Верочка, по-вальсируй со мной, мой сладенький!

В середине осени Лиля стала приходить ко мне регулярно. Поначалу она строго чередовала дни, когда приводила к себе Косухина, с днями, когда приходила ко мне, но быстро забила и легко могла ограничиться интервалом в пару часов. При этом она продолжала искать причины, по которым снова не получилось «поставить галочку». А когда оправдания кончились, она стала ко мне приходить «по приколу», «воспринимай это как прикол», – говорила она. Но каждый раз перед тем, как прийти, симулировала сомнения, как бы подталкивала меня к тому, чтобы я ее уговаривал. «Хочешь – приходи, не хочешь – не приходи», – якобы равнодушно печатал я ей, а у самого под столом коленки дрожали от похоти.

Ожидание нравилось куда больше чем то, что было потом: пульсация салатových обоев, пот, шум в ушах и через раз пустая резинка в конце (на время лечения мы по совету ее врача все-таки стали использовать их). Больше всего мне нравилось выходить на застекленный, с видом на двор балкон в родительской спальне и смотреть, как она мальчишеским шагом идет ко мне через двор. Если уже идет, то точно не передумает.

В этот раз, едва проникнув в квартиру и не успев еще даже снять свою стремную шапку-панду, объединенную с рукавицами-лапами, Лиля застала меня врасплох объявлением:

– Внимание, новость: ты нравишься Вере! А она тебе нравится? Говори!

При всей легендарной холоднокровности я сразу стал ошалело расспрашивать, откуда у Лили взялась подобная информация, чем моментально выдал себя.

– Так я и думала, – не без печали сказала Лиля, проходя в мою комнату. Первым делом она, как всегда, взболтала аквариум, чтоб разбудить тритона. Затем подышала на стекло и веснушчатый пальцем вывела пенис-рисунок. – А чем она тебе нравится, а? Своим противеньским голоском? Или толстым отъевшимся задом, на который все парни пялятся как под гипнозом?

– Давай, говори, откуда инф! – я старался не отклоняться от курса.

– Сначала дело, потом болтовня, – она сбрасывала одежду. Диктовала свои условия, как обычно.

Через сорок минут я был сверху и задышался. Мы поменяли позу, она еще пару раз назвала себя Верой, я настроился и, ритмично двигаясь, укрепился в своем настрое, как вдруг услышал металлический звук, с которым в замок входит ключ.

По малейшим нюансам того, как именно он был вставлен, и тем более как был повернут, и тем более как был нажат звонок после того, как дверь не открылась (щеколда была предусмотрительно мной задвинута), я понял, что это отец, который вообще-то должен быть на работе.

Лиля судорожно подбирала с пола и натягивала свое шмотье, а отец продолжал насильвать дверной звонок, нажимая и ме-е-едленно отпуская кнопку, делая таким образом противную паузу между «днем» и «дон». Я ощущал, как он свирепеет за дверью: еще чуть-чуть – и начнет колотить ногой.

Мне резко вспомнился один случай. Я поднимался на лифте домой, а сосед-приятель, с которым я только что попрощался, решил меня разыграть: находясь на первом этаже, он слегка раздвигал дверцы лифта, срабатывала защита, и кабина останавливалась через каждые пару секунд. Так я добирался до девятого этажа не одну и даже не две минуты, сверху кто-то долбил ногой, а когда двери наконец-то разъехались, передо мной был отец. Все это время он ждал. Увидев меня, отец, очевидно, подумал, что я так игрался с лифтом. Он ничего не сказал мне, просто схватил за горло, выволок на площадку и швырнул в сторону нашей квартиры, а после спокойно поехал вниз.

Из беспокойства, но не за себя, а за его нездоровое сердце, и без того подвергаемое нештучным алконагрузкам, я подошел и, выгадав паузу между воплями дверного звонка, осторожно сказал:

– Пап, я через минуту открою, подожди немного, окей?

Он ничего не ответил мне, но названивать перестал и ногами долбиться не начал. Даже интересно: о чем он думал, стоя там под жужжание счетчиков, пока Лиля натягивала ботинки и надевала куртку в прихожей.

С металлическим лязгом я отодвинул щеколду. На Лилю выпучились раздраженно-испуганные глаза отца. На отца смотрели пластиковые глаза замызанной шапки-панды. Лилия подняла голову:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте...

Она протиснулась мимо него в наш темный вонючий подъезд и стала спускаться по лестнице.

– Привет...

– Привет.

Чтобы чем-то себя занять, я зашел на кухню, наполнил чайник, поставил его на плиту. Какое-то время просто стоял, пока окончательно не отдышался. Потом начал мыть посуду.

– Я вообще-то только за документом кое-каким приехал, – слышалось из коридора, – сейчас обратно уже. Надо было мне просто сказать. Зачем сразу выпроваживать-то?

Ага, сказать что? «Папа, надолго ли ты? А то я тут трахаюсь с девушкой друга, и у меня никак не получается кончить, потому что она мне вообще-то не так уж и сильно нравится, а нравится мне другая, но трахаюсь с этой, сам не знаю зачем, а с той только вальс вальсирую?» Это сказать?

– Всё, я пошёл, – отец заглянул на кухню и показал мне синюю папку с документами.

– Давай, – ответил я и продолжил намыливать сковородку.

Внутренняя, деревянная дверь, шаркнувшись о пластиковый шипастый коврик, закрылась. В металлической, внешней двери два раза, теперь в обратном уже направлении, провернулся ключ.

Я домыл посуду, вышел из дома и под затертые треки, в которых молодые рэперы начала десятых занимались унылым самокопанием, прошел свой излюбленный, почти ежедневный полуторачасовой маршрут: Карла Маркса – Труда – Ломоносова. Мне всегда становилось немного легче после такой прогулки, поэтому я ее совершал практически каждый день. Выходил перед самым возвращением родителей с работы, пытался так подгадать, чтобы поменьше времени быть одновременно с ними в квартире. По пути развлекал себя мыслями, надумывал ерунду. В этот раз я временно навязал себе возвышенное чувство вины за то, что, сношаясь с Лилей, якобы предаю свои чувства к Вере. Получилось кайфово.

Дома я подключился к вай-фаю и прочитал сообщение:

«Когда я спускаюсь от тебя по лестнице – мне всегда грустно, ты знал? Я иду и думаю, что надо Нуне во всем сознаться и больше к тебе никогда не ходить. Но между третьим и вторым этажом на стене написано “Хочешь трахать? Трахай! Хочешь бухать? Бухай!”. Я это читаю и грусть проходит».

«Круто», – ответил я.

«А по поводу Веры на самом деле не знаю, – написала она, – но помнишь, как на первой репетиции она двумя руками разгладила тебе воротник на рубашке? – Я помнил. – Вот мне еще тогда показалось, что ты ей нравишься. А вчера, когда мы перед началом прогона стояли в своем углу, девчонки у нее напрямую спросили, нравишься ли ты ей?».

«И что она ответила?» – с волнением напечатал я.

«Сказала: “отстаньте”».

Действительно, что ли, нравлюсь? Разглядела, как выразился Косухин? Я упал на диван и уставился на свое отражение в глянцевом натяжном потолке.

*

– Поднимаем! – скомандовала хореографичка.

У меня была выработана своя авторская техника поднятия Веры: присев на корточки, оказавшись лицом напротив ее промежности, я обхватывал в районе коленей обтянутые матовыми лосинами ноги и скользил по ним, поднимаясь, до тех пор, пока мои предплечья не упирались в хорошо выступающий зад. Когда упирались – я полноценно уже вставал и вращался, прижавшись ухом к плоскому животу, в котором булькали, перевариваясь, молочные шоколадки, регулярно подбрасываемые несчастными олухами-поклонниками в карманы ее пальто.

– Ты сволочь, животное, варвар ты, гад, уёбище, пидорас! – проклинал меня сколиозный мой позвоночник, пока Вера, не до конца привыкшая еще к поддержкам, хихикала там наверху от страха.

«Угомонись, – мысленно говорил я ему, – уже точно не будет хуже, чем в тот раз, когда на репетицию зачем-то приперлась свинорылая завучиха и зачем-то заставила нас совершить этот ёбаный подвиг пять раз подряд».

– Опустили! – прозвучала команда. – Раз-два-три, раз-два-три!

Я стоял на одном колене, а Вера вальсировала вокруг меня, ощущалось по-идиотски, но зато можно было после поддержки слегка отдохнуть. Антонию в противоположном конце зала хитро мне подмигнул. Еще на предыдущем занятии он спалил мою технику поднимания Веры и растрепал о ней всем пацанам, когда мы стояли в своем углу перед началом прогона. Мухин пожал плечами: «Если есть во что упереться, то почему бы и нет?» Его техника тоже была необычна: он, поднимая партнершу, немного ее подкидывал. Если сил духоя, то почему бы и нет?

Мы занимались уже не в спортивном зале, а в актовом, хореографичка еле-еле уговорила фитнес-толстух поменяться: репетировать надо там, где и будет последний звонок, чтобы мы заранее привыкали к неровностям пола, чтобы не обосрались, то есть не растерялись в ответственную минуту, ради которой и делалось всё.

– Хорошо. Давайте еще раз. Полностью и под музыку.

Девчонки с мальчишками разбрелись по разным углам, как боксеры по окончанию раунда.

– Ну как? – ехидно спросил Антонию, намекая понятно на что.

– Да ничего, не жалуюсь.

– Не жалуется он. Ты кайфу! Пользуйся положением. Мы, вообще-то, тебе все завидуем.

«Ты-то чему, мудила, завидуешь? – подумал я. – Впрочем, ходит легенда, будто, когда вы встречались, Вера тебе умудрилась не дать».

– Завидуем, парни?

Валя пожал плечами. Косухин мечтательно улыбнулся.

– Я в нетерпении! – хрипло выкрикивал Мухин. – Ноги требуют танца! Маэстро, музыку!

– Рот закрой, – осадил его хореографичка, которую он порядком уже подзаёб своими тупыми шутками и негнуцимися ногами.

– А вы с характером женщина, я посмотрю.

Она продолжила невозмутимо искать в телефоне трек. И нашла.

Это был не классический вальс, а плаксивая песня азербайджанской певицы, с которой та выступала на Евровидении. Лирическая героиня страдала из-за измен своего мужика, но припев исполнялся с таким воодушевлением и напором, что можно было подумать, будто на самом деле измены ее возбуждают. Понятия не имею, почему девчонки выбрали именно эту песню.

– Готовы прожаривать тёлку? – задал Антонию свой коронный вопрос.

– Всегда готовы! – ответил один только Муха, клоун при короле.

Мы друг за другом, синхронно, под музыку стали вышагивать в центр зала. Остановились там, и только тогда партнерши выдвинулись навстречу. Мне нравилось смотреть, как Вера ритмично ко мне приближалась. Пожалуй, из всей композиции танца мне это нравилось больше всего. Сразу за Верой шла Лиля, Косухин ждал ее прямо передо мной.

Спустя полтора оборота по залу мы снова услышали:

– Поднимаем!

Но едва я дотронулся ухом до живота, как послышался грохот и сразу смех. Это снова Валёк-вундеркинд не смог удержать партнершу. Несчастный стоял, разведя в растерянности руками, а Банникова поднималась с пола, шепотом проклиная его.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – устало сказала наша наставница и отрубил музыку.

*

– Понимаешь, она сама по себе тяжелая, полноватая, так ещё и болтается там наверху из-за этих своих седативных, как будто спит, вот поэтому сложно её удержать, это физика, понимаешь?

– Да, понимаю, Валя. Я же на физмате учусь.

Мы шли по темному коридору, фонари короткими бликами отражались в его очках.

– Все из-за этого думают, будто я какой-то слабак. А она с каждым разом все больше разочаровывается во мне как в мужчине. А ведь я не страдаю нехваткой тестостерона, у меня даже борода растёт, хоть и не очень густая, – нес он какую-то совсем уже чушь, – понимаешь?

– Понимаю, Валя, базару ноль.

С трудом от него отвязавшись, я схватил в раздевалке свой пуховик и вышел на школьный двор. Снег сыпался с неба кусками. Я добежал до улицы, по которой Вера – я знал – ходила на остановку. Увидел ее. Узнал по ярко-желтому цвету пальто. Не пытался равняться, держал дистанцию, будто в миссии, где кого-нибудь нужно выслеживать. Шел за ней совсем незаметный, благодаря интенсивности снегопада.

Автобус приехал сразу, почти пустой. Вера зашла в переднюю дверь, я прошмыгнул через заднюю. Похожая на кучу тряпья кондукторша дремала, ленилась встать. В автобусе было холодно, окна заледенели. Я наблюдал за Верой внимательно. Вот она снимает пушистые белые наушники, которые у нее вместо шапки, отряхивает от снега. Вот протирает стекло рукавом, но виднее от этого не становится. Вот уставилась в телефон, а вот неожиданно поднимается и через весь автобус идет в мою сторону, глядя прямо в глаза. Садится рядом со мной.

– Ну и чего тебе надо? – спрашивает.

– Давно ты меня заметила?

– На остановке еще.

– «Ивушка» остановка, – едва разборчиво произносит водитель через шипучий динамик, и двери лениво приоткрываются, хочется выбежать через них. – Следующая «Центральный универмаг».

– Чего ты хотел? Рассказывай.

Кондукторша все же подходит к нам:

– За проезд предъявляем.

Вера показывает ей проездной, а я насыпаю в ладонь монеты и начинаю рассказывать, раз уж не стал выбегать:

– Ну вообще я хотел поцеловаться с тобой, проводить до дома, покувыркаться, ну, может не сразу, а через день или пару недель, потом поступить в один универ, расписаться, найти работу, взять в ипотеку квартиру, сделать троих детей, завести телевизор, собаку и кошку, состариться вместе и в один день умереть. Но сначала поцеловаться.

Мы подъезжаем уже к драмтеатру, когда я заканчиваю свой треп.

– Ну так давай.

– Что «давай»?

– Остановка «Драмтеатр».

– Целоваться.

– Следующая остановка «Спорттовары».

– Целоваться?

– Я ведь и передумать могу.

Уверен, что если приближусь, она рассмеется в автобусный потолок и уйдет, но все-таки я приближаюсь к ней, а она не смеется и не уходит, она приближается тоже, и автобус везет и везет нас, и мы целуемся в нем.

Это длится не знаю сколько. Вроде недолго, а вроде и дольше некуда. Когда отлипаем наконец друг от друга – в зеркале заднего вида я вижу, как на нас смотрит и лыбится Слалом, восседающий на водительском, как всегда. Он лишь покачивает укоризненно своей говьяжьей башкой, почему-то нисколько не беспокоясь за чистоту «салона». Из магнитолы громко играет незнакомая мне любимая моя песня. Маленький глупый смысл. Рядом со Слаломом, тупо уставившись в одну точку, Банникова сидит и держит большую бутылку паленого вермута на руках, как младенца. Ритмично дышит, полностью сосредоточенная на этом своем дыхании. Я рассекаю небо над ледяной пустыней. А где же Косухин? Косухин пошел отливать. Он, запрокинув башку, глядит на кипучие звезды и сверлит горячей струей сугроб. Песни полярной ночи во сне. Это прекрасно, этому можно и позавидовать, но я сам недавно сверлил, а сейчас сижу тут на заднем, и Лиля рядом со мной. Мы держимся за руки, потому что мне нужен контакт. Так бывает. Бывает, что нужен. Бывает, что извиваешься, как совсем озверевшая тварь, плюешься фрагментами рэпа, ныряешь в черные дыры беспамьяства без акваланга, рычишь и каждые пять секунд умоляешь, чтоб кто-нибудь дал тебе руку, мусолишь, ощупываешь ее, живую эту матерью, сука, ебучую теплую плоть, потому что чувствуешь, будто сам ты давно уже мертв, а может быть, и не жил никогда. Катишься в выдуманном автобусе. Город из тех, что хочешь быстрее покинуть. Стоишь на месте в машине без двух колес. – Ты неплохо уже умеешь. А помнишь, совсем не умел? – произносит неподалеку припухший от поцелуя рот. Съедают мои детали ветер и снег, давай. Банникову несколько раз передергивает, почти пустая бутылка вываливается под сиденье, руки теперь свободны, и глянцева, голубоватая слизь вырывается на сведенные вместе ладони. Банникова зачарованно вглядывается в это рвотное озерцо, а Слалом уже подорвался, уже матерится и мечется по гаражу в поисках тряпок, салфеток, пакетов, таза или ведра. Мы с Лилей снова целуемся. Это длится и длится. Куда бы мы ни летали. Наши липкие языки поочередно завязываются всеми существующими узлами. «Остановка “Спорттовары”», – объявляет водитель автобуса. Быстро проходит осень. Тянутся долго зимы.

В мое восприятие прорывается грохот входной двери. Я спинным земноводным мозгом чувствую, как Нуна, вернувшийся с улицы, подходит к машине, заглядывает в окно. Чувствую, но не делаю ничего, продолжаю вязать наш слюнявый узел, хочу узнать, чего любопытного он примет.

И он, как в игре GTA, выволакивает меня смеющегося, совсем размякшего от бухла, из машины, тащит через бензиновую вонь гаража, открывает дверь в темноту и швыряет меня на снег. Пинает, но бережно, понарошку, будто отец или рестлер, хотя рестлер ни разу меня не пинал. Я не могу перестать смеяться, я всё сильнее смеюсь и мне уже кажется, что еще чуть-чуть, и вертлявые мелкие звезды вместе с разбросанными по небу ошметками северного сияния сорвутся вдруг и посыплются в мой широко распахнутый рот.

*

Про автобус он все, разумеется, сочинил. Не ехал он с ней ни в каком автобусе и тем более не целовался. Нет, он, конечно, пытался за ней увязаться в тот вечер, направившись проводить, был мерзко настойчив, фальшиво самоуверен, намерен всё разрулить, но на полпути к остановке Вера стала не просто отказываться от провожаний, а натурально кричать на него, чуть ли не биться в истерике, говорить, чтобы шел домой. И он пошел. А она пошла дальше, на остановку, но села там не в автобус, а в серебристый автомобиль, за рулем которого был относительно новый ее бойфренд. Вере категорически не хотелось знакомить мелкого с ним, поскольку бойфренд слишком часто носил обручальное и погоны. Лишние слухи не были Вере нужны. И пока мент-бойфренд, прибавив погромче музыку, ехал с Верой в гостиницу, мелкий плелся домой и в который раз рассуждал сам с собой о настойчивости. Мелкому было искренне непонятно, почему он должен кого-либо добиваться, и в

чем вообще разница между добиваться и навязываться? Если необходимо добиваться, то значит, что это нужно только ему одному, а если это нужно только ему одному, то чем это принципиально отличается, допустим, от изнасилования? Откуда взялись вообще эти догмы: девочки любят настойчивых, наглых, девочки любят ломаться и набивать себе цену... Что это за выражение такое вообще «набивать себе цену» глупое? Он вспомнил о том, как в десятом классе купился на всю эту чушь и несколько месяцев проявлял настойчивость. Получалось даже нелепее, чем сегодня, только еще и длилось целых несколько месяцев. Настойчивость его заключалась в том, что раз в неделю, с унылой стабильностью он писал ей, однообразно звал погулять, а она тактично отказывалась, находя отговорки, которые становились все более глупыми и абсурдными по мере того, как он продолжал ей писать по инерции, предлагал, приглашал до тех пор, пока вместо того, чтобы выдумать новую отговорку, она наконец не ответила нет, извини-отвали, не получится, в смысле не в этот раз не получится, а вообще, в смысле хватит может уже? И невеселый смайлик. Вспомнить об этом было так гадко, что он впервые за долгое время опять захотел в гараж и через несколько дней оказался там. А когда возвращался оттуда, я специально даже проснулся, чтоб не посредством сна, а своими глазами узреть это пьяное чучело. Он с пустующим взглядом сидел на диване, практически слюни на пол ронял. Мать стояла напротив и не ругалась, а просто пыталась поговорить, минимальный произвести диалог хоть о чем-нибудь, хоть о погоде. Но он ни слова не понимал. «Надо же, вчера еще был такой маленький, а сегодня пьяным уже нажрался. Быстро время летит», – поговорила сама с собой мать и оставила нас вдвоем. Ничего интересного более не предвиделось. Он уснул, и я тоже уснул. Ему ничего не снилось, а мне снилось всё.

*

Ртутная лампа, подмигивая, звучала так, будто в ней болезненно что-то лопалось. Ее свет отражался в остатках сгущенки, размазанных по тарелке. Гремела посуда в далекой раковине. Шел урок, и в столовке было безлюдно. Меня тошнило.

Косухин вернулся за стол и поставил передо мной еле теплый стакан сладковатой коричневой дряни. Вся дрянь оказалась во мне.

– Ох, не умеете, Павел, вы медленно пить. В этом ваша беда, пожалуй.

– И что же? Вы вообще умеете мало чего, даже спяну лежащих как-то по-бабьи, не в полную силу пинаете.

– Ах, опять вы об этом? А ведь я уже извинился.

– Могли бы и не извиняться-с. Как-никак, вы были немало обескуражены тем, что увидели-с. Я про наши с Лилией шалости, ежели что.

– Да ну бросьте, Угрюмов, ей-богу! Не так уж я был и обескуражен.

– Нет-нет, оставьте, Косухин, вас решительно можно понять!

Он опустил свой широкий палец в лужицу чая и стал выводить узоры.

– На самом деле, милый мой Павел, я должен признаться, что всё мне стало известно какое-то время назад. Более того, я считаю необходимым вас известить, что вся школа всюю уже сплетничает о ваших амурных делах.

Пара дрейфующих пузырей шевельнулась на дне меня.

– А что же это вы так покраснели резко, голубчик? Народец у нас недалекий, но наблюдательный. Немало кто видел, как на уроках литературы, где вы обыкновенно сидите вдвоем, Лилия водит ладонью вам по ноге, а то и по причиндалам.

Я заглянул в свой стакан, забыв, что там ничего больше нет.

– Лиля, к тому же, особа совсем не из скрытных. Всё разболтала влюбленным в нее дебилоидам-близнецам из качалки. А те ей повадились слать фотоснимки своих близнецовых хуёв, хорошо не совместные хоть. Она, разумеется, эти хуи показала мне, потому как большая охотница провоцировать на ревность, вы уже это и сами наверняка заметили. И я спровоцировался, не скрою. Написал одному из них, мол, не охуел ли этот обмудок случаем. А он мне возьми и ответь, что ему Лилю жалко, что если бы Лиля для нас с вами, Павел, хоть что-нибудь значила,

мы бы давно уже лица друг другу сломали, а мы вместо этого поочередно, по графику спим с ней и делаем вид, что это в порядке вещей. Представляете? Доигралась Лиля в свои провокации. Я ее тщательно допросил, и она мне во всем созналась. Это было с недельку назад примерно. А вы, я гляжу, и не знали? Она вам не рассказала. Ну да. Это я ее попросил.

Раздался звонок с урока. Косухин смахнул свой чайный узор со стола.

– Я к чему это всё? А к тому, что очередь, график. Вы не против, Угрюмов, если сегодня по графику буду я? Замечательно, вот и пойду, пока ее мать не пришла с работы. Увидимся завтра. Вернее, сегодня, на вальсе.

Он вальяжно двинулся к выходу, проводя рукой по столам, на которых колючими точками выделялись крупинки засохшей гречки.

«На вальсе... Точно, еще же вальс...»

Мне смутно вспомнилось, что вчера я Вере что-то писал. Тревожно достал телефон. «лблю и всегда буду любить» – обнаружил я с ужасом в переписке. И следующим же сообщением: «иди нахуй хаха хахаха!».

IV

Если в новогоднюю ночь не размазывать оливье по тарелке, а выйти из дома сразу после полуночи, то запросто можно пройтись, ни разу не напоровшись на обезумевших от празднования бычар: им ведь нужно какое-то время, чтобы очухаться после курантов, переварить поздравление президента, выпить то, что налито, налить и выпить ещё. В среднем на это уходит около получаса. Тридцати минут нам как раз хватало, чтобы дойти до квартиры.

Мы с Валею встретились возле школы.

– Это мне? – я кивнул на букет белых роз.

– Не смешно, – уныло ответил Валя. – Пошли.

Под нарастающий хруст фейерверков мы топали в центр. Родители Вали праздновали не дома и разрешили ему позвать друзей, даже сделали нам поесть и закупили вина. Но вопреки всему этому Валентин был демонстративно подавлен. Откуда цветы? Почему такой грустный? Что забыл у нас на районе в полночь? В ответ на все эти вопросы он тяжело вздыхал, отрицательно шевелил вундеркиндовой головой с запотевшими на морозе очками и повторял, что я всё равно его не пойму.

Только уже оказавшись в квартире, Валя заговорил:

– Всё намного, намного хуже, чем ты мог представить себе, мой друг. Мое сердце разбито на тысячу мелких осколков, – всю дорогу, наверное, думал, всерьез подбирал трагические слова в стиле тех, которыми мы с Косухиным кидались, будто козьявками. – Я безнадежно, я невзаимно, я очень несчастно влюблен.

– В кого? – спросил я ради приличия. И так догадывался, в кого.

– В ту, которая пару недель назад перестала являться на репетиции, отказалась от вальса со мной. А теперь и совсем отвергла, – он говорил, загребая в совок шерстяную кошачью рвоту, пока сам кот, любитель прогулок по снегу, царапался рыжими лапами в обивку входной двери. – За пару минут до курантов я отправил ей длинное сообщение с признанием и подошел к ее дому. А она прочитала и ничего не ответила. Представляешь? Совсем ничего.

– Может, еще ответит. Растерялась, может? Может, уже ответила!

Валя обреченно покачал головой, но все же не удержался и заглянул в телефон.

– Увы. Новогоднего чуда не произошло, – он обвел взглядом стол со жратвой. – А ведь это все для нее. Для нее я все это устроил. Родителей уговорил.

– Поэтому вино?

– Да. Хотелось, чтобы культурно всё, без рыготины, элегантно, – сказал Валя, а мне вспомнилась набережная, гараж, Слалом в лихорадочных поисках тряпки, и я тряхнул головой, чтобы

опустошиться от этого. – Специально ради нее всё. А она теперь не придет. Всё впустую. А помнишь наш новогодний мини-концерт?

Валя играл на басу. Вместе с парой других задротов они исполняли чужие песни, строили из себя рок-группу: комбик и микрофон, инструменты, напульсники, цепи, прочая лабуда. На новогоднем вечере притащили всё это в класс, погасили свет и устроили полную лажу. Барабанщика не было. Вокалист забывал слова. Гитарист относился к своей прическе внимательнее, чем к струнам. Клавишник выбегал в туалет. Один только Валя старался. Лиля, глядя на то, как технично и быстро двигались его пальцы, предположила, что Валя – бог вагинальной мастурбации. Валя играл хорошо. Но имелась одна небольшая проблема: бас-гитару не было слышно.

– Помню, конечно.

– Тоже для нее. Весь концерт ради «Среер». Никто из парней ее не хотел играть. Это я их уговорил,стоял. И мысленно посвятил эту песню ей. А она не послушала даже, надела наушники и уснула с открытым ртом. Можно было тогда уже догадаться, что сегодня она не придет.

Валентин замолчал. Гирлянда на искусственной ёлке переключалась между режимами. Неподалеку взрывался салют, но казалось, что мы в тишине, в полном вакууме, все сильнее погружаемся в новогоднюю меланхолию, как герои советского фильма. Я первым выдрал себя из нее: открыл холодильник, достал бутылку вина. Бутылок там было нормально, штук десять, а то и больше. Это меня взбодрило.

– Где у вас штопор? Пора расцехлять винище.

– Никто же еще не пришел.

– Я пришел, ты пришел. Кот никуда и не уходил.

Гундеж домофона послышался очень кстати.

– В выдвижке возле раковины, – бросил Валёк, устремившись в прихожую. – Только давай заранее договоримся, что не усердствуем.

– Так точно, сэр! – откликнулся я, с энтузиазмом вгрызаясь штопором в пробку. Щелкнул замок, послышались голоса. Голос Веры – надменный, немного скрипучий – был среди них тут как тут. Я зажал между ног бутылку, поскорее выдернул пробку и влил в себя полбутылки красной терпкой кислятины.

*

В десятом классе, поздней осенью, когда мелкому надоело красиво страдать, а некрасиво страдать надоело тем более – он наконец-то решился ей написать. Написал он какой-то пустотный и жалкий бред, а в конце – ни к чему не обязывающее «может, сходим как-нибудь погуляем?». Уже проваливаясь в сон, когда замедлялось сердцебиение, нажал «отправить». Сердцебиение наверсталось утром, когда он собирался открыть ответ, оказавшийся простым и коротким, со смайликом: «можно попробовать». Он несколько раз подпрыгнул, да так, что я пробудился от звона собственного аквариума. Он ведь не знал, что они никогда не «попробуют», так никуда и не сходят вместе. Подошел счастливый к окну. Этот день был особенный для всего города. По улицам собирались нести олимпийский огонь. На набережной по этому поводу даже установили новые фонари. Бульвар Строителей был перекрыт, школьники вместо уроков толпились на тротуарах. Их плотно выстроили вдоль улиц, включенных в маршрут бегуна. Где-то среди этой длинной толпы, раскрыв зонты и надев капюшоны, стояли его одноклассники, а среди одноклассников Вера. В небе рвано кружился снег вперемешку с дождем. От сильного ветра стеклопакеты однообразно визжали. Не отходя от окна, мелкий вслух рассуждал: «Зачем мне туда идти? Посмотреть я могу и отсюда. А могу и вообще не смотреть. Я огня, что ли, в жизни не видел? Видел. Еще и погода говно. Делать там нечего. Правильно, – заглянул в мой аквариум, – говорю?» Я выпустил изо рта пузырек, который он принял как знак одобрения. Даже если бы я пузырьками выложил слово «ссыкло» – он бы все равно не признался себе, что просто стесняется встретиться с ней, оттягивает момент. И уж тем более он не смог бы себе признаться, что ходить по городу с трагедийно-загадочной миной ему хочется значительно больше, чем с Верой. «Ну как огонь? Огонь?» – написал он ей вечером. – «Неплохо.

Правда, никакой он не олимпийский. Я видела, как он погас, и какой-то мужик давал зажигалку, чтобы снова его поджечь». – «Прикол». – «А ты почему не пришел?» – «Да я проспал», – соврал он, тем самым угробив все окончательно. – «Так и всю жизнь проспай», – написала она. И смеющийся смайлик. В том, чтобы всю жизнь проспать, лично я ничего плохого не вижу, но молодой человек, склонный всюду искать проклятия, стал загоняться и, чтобы развеяться, вышел пройтись по набережной. Праздник кончился, улицы были пустынные. Стемнело, но ни один из новеньких, аккуратных, похожих на чупа-чупсы фонарей не светил. Они оказались лишь бутафорией к фотоотчету об олимпийском огне, который был тоже подделкой. Волны шипели злое. На покосившихся длинных столбах горели через один все те же злые, старые фонари. Растерянный мелкий долго бродил под их хирургическим светом.

*

Валёк накидался и несколько раз включал «Сгеер». Потом девчонки уже отгоняли его от собственного ноутбука. Они хотели танцевать, а не загоняться.

Вообще-то Валя был совершенно непьющий, и началось всё с его попытки устроить чинные стариковские посиделки: немногочисленным пока что гостям Валентин по чуть-чуть наливал в изысканные бокалы вино, произносил тоскливые тосты о неразделенной любви и чокался морсом, растерянно глядя из-под очков в одну точку. Но он оживился, как только Вера предложила ему идиотский спор.

Такая была у него особенность: как только речь заходила о споре, он из зануды преобразался в психа. Однажды высосал упаковку майонеза в течение двух минут. Выкурил свою единственную в жизни сигарету прямо в школе, прямо напротив директорского кабинета. Сделал пост о том, что мечтает отлизать учительнице английский, которая была у него в друзьях. Это всё зверский соревновательный дух, воспитанный в нем подготовкой к олимпиадам. Награда была ему не важна, само участие в споре было наградой. Валя вписывался во всё.

В новогоднюю ночь он был счастлив принять новый вызов. Вера ему предложила выяснить, кто из них будет более пьяным к утру. Я разбил их рукопожатие над тарелкой со шпротными бутербродами. После второго выпитого Валей бокала энтропия стала свободно расти. Включилась музыка, выключился свет, гостей становилось все больше. Помимо одноклассников подтягивались знакомые одноклассников и даже знакомые их знакомых. Под строгий запрет попадали только Нуна и Лиля из-за своей привычки, оказываясь у кого-то в гостях, непременно сношаться в кровати родителей. Впрочем, после пятого бокала Валя не стал бы протестовать, приведи мы хоть призрак Лаврентия Бери.

Похитив бутылку из холодильника, я устроился на полу, занял удобный для наблюдения угол. Как я и думал, Вера затеяла спор, только чтобы спасти вечеринку. Она совсем не старалась выиграть, почти не притрагивалась к бокалу. А жаль. Мне хотелось, чтобы она показала себя настоящей: признавалась в любви (пусть не мне), посылала (пусть меня) на хуй. Но вместо этого, натянув снисходительную улыбку, она аккуратно двигалась под несурзное пение Дорна. Если Валя с известной целью прокрадывался к ноутбуку, Вера протестовала сильнее всех: она избегала трагизма, любовью минорную песню считала тоскливой и скучной. «А ведь она никакая не факин спешл», – спокойно и мимолетно подумал я и продолжил за ней наблюдать с ненавистью и обожанием, не придав значения своей мысли. Механизм звякнул, дверца ловушки открылась, но зверёк не заметил этого и остался сидеть внутри, прикладываясь к очередной бутылке.

К двум часам ночи квартира была переполнена. Время от времени ко мне, как на аудиенцию, кто-то подсаживался и задавал вопросы. Всех интересовало примерно одно и то же:

- Это правда, что вы типа троим встречаетесь?
- Мне тут девчонки рассказали, что Лилия типа и с ним, и с тобой как бы. Че, реально?
- А у вас сформирована какая-то единая система, по которой всё происходит?
- Мне говорили, что она заразила вас хламидиозом. Или все-таки гонорей?
- Она же некрасивая, зачем тебе это? Для опыта?

- А Слалом тоже с вами шпилится иногда?
- А у нее там волосы тоже рыжие?
- А правда, что раз в неделю она с тобой, раз в неделю с ним, а раз в две недели у вас групповуха?

Ответом на все вопросы служила моя размазанная улыбка, смех и мычание, которые каждый был волен интерпретировать как хотел. Огни гирлянд, перемешиваясь, кривлялись перед глазами. Собеседники быстро менялись. Последними стали Антонио, Мухин и Лобстер – их кореш, гопарь из 30-й школы.

Лобстер спросил:

- И че, внатуре, ебать?
- Братан, ты бы как-то конкретизировал, что ли, вопрос свой, – сказал Антонио.
- Ну это... Ты же вроде нормальный пацан был, с Крюгером корефанил, с Дантистом, Якудой... А теперь, ну типа... Правда, что ты девчонку своего лучшего друга это самое...
- Поёбываешь, – подсказал Антонио и облизнулся. Я прикончил бутылку. К горлу подобралась тошнота.
- Да правда, конечно, – ответил Мухин вместо меня. – Даже она это не отрицает если.
- И это, по-твоему, по-пацански?
- Что именно? – Муха включил дурачка. Они откровенно стебались над долбоёбом Лобстером.

– Ты, бля, понял, что именно!

– Натягивать тёлку друга, – вновь подсказал Антонио.

– Да! По-вашему, это нормально?

– Смотря с какой стороны посмотреть... – протянул рассудительно Мухин.

– Да какие тут могут быть стороны?!

Они прекрасно справлялись с беседой и без меня. Тошнота нарастала. Я поднялся из своего угла и, лавируя между танцующими, вышел в прихожую. Туалет был занят. Я ждал. На полу, вплотную заставленном нашей обувью, выбрал чей-то ботинок и сосредоточил свой взгляд на нем, пытаясь не блевануть. Радостный Валя совсем некстати нарисовался рядом.

– Новогоднее чудо свершилось!

Я сэкономил слова, любое лишнее из которых могло сыграть роль спускового крючка для рвоты. Фраза «Что ты имеешь в виду, многоуважаемый Валентин?» точно стала бы роковой, поэтому я ограничился вопросительным взглядом.

– Она придет! Она написала мне, что придет! Она уже на подходе!

– Пздрвл, – выдавил я сквозь зубы.

Дверь туалета открылась.

Оказавшись наедине с унитазом, я не стал к нему сразу кидаться. Прислонился к стенке, закрыл глаза. Я ни разу еще не блевал от выпитого. Это было одним из немногих моих достоинств. «Эту зверюгу попробуй свали!» – говорил про меня Косухин. Зверюга. Зверь. Жесткий бухарь. Тот ещё панк. Мне не хотелось лишаться почетных званий. Даже если только в своих глазах.

Издали заглянул в унитаз, как бы торгуясь, пытаясь договориться с ним. Опустил крышку, сел на нее, головой прислонился к холодной стенке, из-за которой гудела музыка. Слышался смех, болтовня была неразборчивой, но казалось, что все обсуждают меня. Тошнота постепенно слабела. Я встал, приблизился к зеркалу. Недонечто взглянуло оттуда.

– Похуй.

– Это я уже слышало.

– А тебе не похуй?

– Передо мной ты можешь не выебонить.

– А могу выебонить.

– И не прикидываться.

– А могу и прикидываться.

– Мне ты можешь не врать.

– Угадешь ответ?

– Я же знаю всё про тебя. А ты про себя не знаешь практически...

Я плеснул в Недонечто холодной водой, пока оно не успело слишком уж распиздеться. Оно размылось и замолчало. Столько же брызнул себе в лицо. Прислушался. В прихожей был голос Банниковой:

– Нет, я совсем ненадолго. Решила, что лучше лично скажу, а не в сообщениях.

– Только прошу тебя, не делай категоричных заявлений, – причитал несчастный Валёк. – Может быть, тебе просто пока что не до того. Ты ведь все еще переживаешь из-за брата и...

– Только не надо о брате, Валя, – перебила она его.

– Хорошо! Хорошо. Не буду. Что ты хотела сказать?

Я представил, как он боязливо зажмурился, готовясь услышать ответ.

– Я хотела сказать, что не могу ответить тебе взаимностью.

– Господи, так я и знал...

– Прости.

– Это потому что я несколько раз уронил тебя, да? – понемногу впадал в истерику Валентин.

– Из-за этого?

– Конечно же нет, ты чего? Просто я люблю другого человека.

– Кого?! – взвизгнул Валя. – Он здесь сейчас?! Я его знаю?!

– Знаешь. Но это не важно. Спасибо тебе за твое поздравление. И за цветы спасибо. Правда, под окнами у меня стоять было лишним, но это ладно. Всё. Извини. Я пойду.

– Останься еще ненадолго, прошу, умоляю тебя...

У меня было стойкое ощущение, что меня разыгрывают, и за дверью просто выставлен телевизор с сопливой мелодрамой на полную громкость.

– Мне правда пора.

Дверь хлопнула, я услышал, как Валя несколько раз ударился головой о стену.

Сколько я пробыл еще в туалете? Может, минуту, а может, пять. Отливал, ожидал, когда тошнота пройдет окончательно. Когда я вышел, музыка не играла. Все наблюдали за тем, как хозяин квартиры пытался выиграть еще один глупый, противоречащий предыдущему спор. Снял зачем-то футболку, болезненно-тощий Валя соревновался с Антонио в количестве отжиманий. Зрители считали вслух: «Сорок семь! Сорок восемь!». Валя сдох на пятидесяти одном, рухнул лицом в ковер и содрогался, то ли смеясь, то ли плача. Антонио, казалось, мог сделать легко еще столько же.

Музыка возобновилась. Хотелось поддержать проигравшего, но я не придумал как. Вместо этого устремился к напиткам. Помимо вина там было много чего еще, народ приносил с собой.

– По-моему, в нашем с Валею споре побеждаешь пока что ты, – заявила Вера, сама ко мне подойдя. – Давай сегодня без глупостей всяких, ладно?

– Приму во внимание ваш запрос, как только выясню: всяких – это каких?

Она призадумалась.

– С Новым годом! – выкрикнул я и лизнул ее нос.

– Вот таких, например. Дурак.

*

Проснувшись, я с трудом отделил тишину от шума в моей голове, внимательно прислушался к первой и понял, что родителей дома нет. Как я и хотел. Они планировали выехать к родственникам до обеда, а, судя по освещению, были уже глубокие сумерки. Какое-то время я лежал неподвижно, сосредоточенно припоминая фрагменты ночи. Без глупостей не обошлось, но они в большинстве своем были невинными и смешными. Нырнул лицом в сугроб, предлагал Вере внеурочно отрепетировать вальс под неподходящую музыку, прятался под кроватью. Мелочи. Я выдохнул с облегчением. Поднялся с кровати, и комната покачнулась. В похмельном скафандре казалось, что

весь окружающий мир не имеет ко мне ни малейшего отношения. Подошел к окну с фиолетовым небом. Дети катались со снежной горы на картонках и санках, похоже в ярких своих пуханах на неповоротливых пингвинят. Я засмотрелся на них, а потом случилось то, от чего они хором издали протяжное «о». Новогоднее чудо. Безо всяких предупреждений, без торжественного разрезания ленты, уютным и теплым, как будто игрушечным светом впервые зажглись фонари, установленные поздней осенью, в день, когда несли олимпийский огонь, больше года назад. Я смотрел и смотрел и смотрел на них, а потом захотел сделать фото, чтобы отправить Вере, и сделал, но, немного подумав, не стал ничего отправлять.

*

– И что тут чудесного? – пожалла плечами непривычно меланхоличная Лиля в окружении своих фарфоровых кукол. – Зажглись и зажглись. Лучше расскажи, че там у головастика, нормально вам было без нас?

– Мне было весело. Даже слишком.

– Ясно. Ты напился и был посмешищем, как обычно. Не интересно. А вот мы обалденно отметили.

Рассказ ее вышел сумбурным. Я ничего не понял, кроме того, что девчонка Слаломы снова его обломала, дебилоиды-близнецы подрались, а их друг смешно попытался самоубиться.

– Хочешь, покажу, что мне Нуна подарил?

– Если честно, не очень.

– Сейчас покажу.

Лиля принесла из коридора ярко-зеленый свой рюкзачок и стала в нем рыться, разбрасывая пустые сигаретные пачки, скомканные салфетки и фантики из-под шипучих конфет.

В этой комнате я находился впервые, но всё здесь мне было знакомо по их с Косухиным порнографическим фотографиям, которые я умолял ее перестать присылать мне, но она все равно присылала. Я узнавал старый шкаф, пианино, фарфоровых кукол повсюду, прожженное сигаретой малиновое покрывало, на котором мне после тех фотографий было противно сидеть. Лиля ни разу меня к себе не звала. Это было последним ее уцелевшим принципом. Я не мог понять, почему она решила его нарушить.

– Нашла! – из рюкзачка Лиля извлекла две пары наручников – розовых, но не пушистых. – Протестируем?

– А просто так тебя не впирает уже?

– Сейчас объясню, руку сюда давай.

Розовое кольцо затянулось вокруг запястья и щелкнуло. Я догадался, из-за чего она пригласила меня к себе. У нее на кровати спинке были удобные перекладки, чтобы меня приковать.

Она отошла в центр комнаты и посмотрела мне бездвиженному в глаза.

– А ведь когда-то он мне дарил совсем другие подарки...

Лиля погасила верхний свет, оставила только настольную лампу. Села с прямой осанкой на стул напротив меня. «Ну всё, – я подумал, – моноспектакль начался».

– В начале отношений он дарил мне футболку с Куртом, киндер-сюрпризы, будильник в виде цветка в горшке... А недавно мы поссорились и в очередной раз решили, что расстаемся. И он попросил, чтобы я ему всё вернула. И я вернула. А когда мы через два дня помирились – обратно дарить не стал. Он сказал, что я теперь не заслуживаю подарков, не связанных с еблей. Понимаешь, что это значит?

Вопрос, разумеется, был риторический. Я себя вел как порядочный зритель в театре, на сцену не лез. Более того, был уверен, что вот-вот она рассмеется, не выдержит, нарисует маркером мне усы, напишет три буквы на лбу, а потом начнет раздевать и сама раздеваться тоже.

– Это значит, что я теперь для него просто грязная дырка! И знаешь, кто в этом виноват?

«Она сама – это слишком банально. Сергей Безруков? Сергей Есенин? Юрий Антонов? Группа «Валентин Стрыкало»? Группа «Радиоход»?» Я терялся в догадках.

Она вскочила, опрокинула стул и воскликнула:

– Ты! Виноват в этом ты! Ты проклят! Ты можешь лишь разрушать, разьёбывать, портить! Всё у нас было в порядке до того, как вмешался ты!

«Серьезно? Вмешался?» – я был близок к тому, чтобы высказать возмущение вслух, но сдержал себя. Вдруг в ее рюкзачке завалаялся еще и кляп?

– И ничего исправить уже нельзя. Ты хоть можешь себе представить, насколько мне стало больно, когда я это осознала? Нет, не можешь, ты ведь бездушный, как твой тритон, то ли живой, то ли мертвый, тебе не понять.

Лиля поставила стул на место и села обратно, закрыла глаза, вдохнула и выдохнула, продолжила:

– Но минут за двадцать до Нового года я вдруг почувствовала что-то вроде волшебного озарения. Я поняла, что всё еще может у нас наладиться! Для этого я должна перестать его предавать, перестать изменять моему любимому Нуночке. Должна любить только его одного.

После опрокинутого стула спектакль становился все менее смешным. Мне захотелось домой.

– Знаешь, я всегда загадываю под бой курантов желание, и в этом году я была уверена, что загадаю поступить на бюджет в театральный. Но я загадала не это. Я загадала больше тебя не любить. И когда наступил Новый год – я вспомнила, что изначально совсем тебя не любила, а просто использовала! Мне было интересно разгадать твою тайну, но ведь оказалось, что тайны нет, ты пустой и жалкий, точно такой же, как все! И всю новогоднюю ночь я была счастлива, потому что чувствовала, что у меня получилось, что мое желание сбылось! Но проснувшись, я осознала, что нет, и тогда придумала план. Знаешь, какой план я придумала?

Со шкафов, с подоконника, с книжных полок на меня вопросительно пялились экспонаты ее коллекции, орды фарфоровых кукол.

– План этот очень простой: чтобы больше с тобой не ебаться и больше тебя не любить – мне нужно убить тебя. Вот и всё.

– Убить?

Лиля бросилась на меня. Вцепилась руками в горло. Я услышал собственный хрип, и тогда ее пальцы резко усилили хватку. Надо мной нависало ее лицо, покрасневшее от усердия. Сквозь оскал продирался звериный рык, разбрызгивалась слюна. Волосы будто тянулись ко мне дрожащими рыжими щупальцами. Куклы заглядывали в глаза и брызгали в них темнотой.

*

Разумеется, Лиля его не убила. Как только он отключился, она подумала вдруг об ответственности, о том, что тело куда-то надо девать, и это не так уж просто, а даже если получится, дяденьки-полицейские все равно могут вычислить и наказать ее – старший брат Бани тому пример. Да и внутри шевельнулось что-то похожее на человечность. Хорошо, что ей вспомнился обязательный курс первой помощи и тот манекен, на котором она отработывала искусственное дыхание, украдкой просовывая ему язык в резиновый рот. Мелкий вернулся в реальность меньше чем за минуту, произошло соитие, после они попиwali на кухне чай, заедая вафельным тортом, и она говорила, что этот раз был последним, на этот раз уже точно. Но на деле он даже в десятку «последних разов» не попал. Однако Лиля с тех пор приходила к нам в гости гораздо реже, вела себя безразличнее, мелкому в самом деле теперь приходилось ее уговаривать. А потом Лиля снова стала ходить охотнее к нам и чаще. А потом снова реже стала ходить. А потом было солнечное затмение. А потом растрескался лёд. А потом, как обычно, какой-то парнишка утоп, катаясь на льдинах. А потом не осталось льдин. Много чего еще было потом, перед тем, как я умер. И много чего еще было потом, уже после пустяка под названием смерть.

V

Город капал и хлопал, мы шли втроем по нему без цели, дворами, – Нуна, Лиля и я, – покальзываясь на остатках льда, принохиваясь к солнцу, хорошенько забытому за полгода зимы.

В одном из дворов Лиля остановилась и отвернулась от нас. Очередная скупая порция бежевой рвоты разбрызгалась по сырому асфальту. Мы сели с Косухиным на скамейку.

- Похоже, что мы в затруднительном положении, Павел.
- В полной жопе, я бы сказал.
- В западне.
- На хуях.
- В непростой ситуации.

Лиля вытерла рот лапой шапки-панды, глотнула воды из бутылки и втиснулась между нами. Косухин, немного поколебавшись, вложил сигарету в ее требовательно протянутые пальцы, она затаилась и заявила отрывисто:

- Никакого аборта. Я хочу оставить его.

Мы с Нуной переглянулись.

«Ну ничего себе, – прочитал я в его глазах. – Аборты-шмаборты. Какие-то слишком взрослые разговоры пошли. Как-то слишком внезапно они начались, Угрюмов, вы не находите?»

«Да-да, еще как нахожу, – ответил я ему мысленно. – Но мне-то пока семнадцать. А вот от тебя (предположим, что от тебя), полноценного члена общества, залетела несовершеннолетняя! Это ничего ровным счетом не значит, ведь возраст согласия пройден, но зато как звучит! Чувствуется надежность, Гроссмейстер?»

– А что с алиментами делать и прочим говном? – задался вопросом Нуна. – Сколько тест на отцовство стоит? Его хоть делают у нас в городе? У нас в области его делают хоть?

– Зачем тест? Мы посмотрим на ребеночка и поймем. Если он будет светленький, голубоглазенький, то это ребеночек твой. А если смугленький, глазастьенький, молчаливенький, то не твой. Всё очень просто. Хорошо, что вы такие разные. Повезло!

Косухина аж передернуло.

По безоблачному, но как будто заляпанному младенческими пальцами небу двигалась стая птиц. С другого края летел самолет, оставляя за собой белый след. Я представил себе их встречу. Опадающий с неба цветок кроваво-птичьего фейерверка.

Лиля натянула шапку-панду на бесстыжие глаза.

- Ну и чего ты ржешь? – спросил у нее Косухин.

Она продолжила ржать.

- Чего, говорю, ты ржешь?

– Какие же вы мудаки, вафли, додики, тятти, уроды, чмошники, ссыкуны и девственники! Ни беременеть, ни рожать я не собираюсь. И уж точно я никогда, ни за что на свете не стану рожать от вас! Вы же сами дети еще, наивные мальчики с обсканными штанишками! Как можно от вас рожать? – она настойчиво упускала из внимания тот факт, что единоразово родить от двоих людей невозможно. – Я и трахаться с вами больше не буду! Вы одинаковые глупости делаете в постели, потому что смотрите одинаковую порнуху, порнуха вся одинаковая! Вы оба бесчувственные! Вы никакие! Деревянные вы! Мне с вами неинтересно! Мне скучно с вами! Вы надоели мне оба!

Она наконец замолчала, улыбнулась самодовольно и куда-то пошла. Косухин не бросился ее догонять, как ни странно. Я думал, что эта привычка уже на уровне основного инстинкта укоренилась в нем. Он ограничился тем, что крикнул ей вслед:

- А как же твоя тошнота, токсикоз?

– Нуночка, я актриса! Умение блевать и плакать в любой момент – это базовый навык. Основа актерского мастерства.

- Странно, я только про слезы слышал, – негромко сказал мой лучший когда-то друг.

– Потому что про рвоту я только что сочинила, – обернулась она, смеясь. – Опять вы, котё-ночки, повелись!

*

В седьмом классе я неожиданно понял, что пора мне завязывать шариться по подвалам и крышам, дышать газом для зажигалок, рисовать на стенах, курить, накуриваться синтетикой и накачиваться баночными коктейлями, которые из-за смеси спирта, кофеина и сахара до утра не дают уснуть. Кажется, понял я это как раз в одну из таких бессонных ночей, глядя в окно на пустынную набережную, мимо которой катилась колонна ворчливых снегоуборочных машин.

Я резко отдалился от старшаков, под руководством которых два года уничтожал себя и все, что меня окружало. Некоторые из них даже не заметили моего исчезновения, а некоторые попытались втянуть меня обратно в свое ведро с крабами (корзину с фруктами), но быстро отвязались, у них были дела пободрее.

Так я остался один. Мне нужен был новый друг. Принципиально новый.

Голубоглазый Косухин – невинный, но остроумный толстяк с манерами старика – был идеальным кандидатом, поскольку не мог тогда даже подумать о чем-либо из того, чем ранее развлекался я.

– Ты сделал эту домашку сраную?

– Нет, но могу дать списать, – он ответил.

Так мы стали приятелями. Не прошло и пары месяцев, как у нас естественным образом появился свой словарь: судари, Вероники, заебланиться, пенсионерки, медузы и еще пара сотен слов. Свой словарь – это, пожалуй, первый и главный признак дружбы.

Дружба наша в основном заключалась в том, что мы часами бродили по железке – железной дороге, обсуждая игры на комп, книжки Чака Паланика и недостатки друг друга. За старомодность и лишний вес я называл его мамонтом, делал это надоедливо и зловредно, оправдывал себя тем, что старшие шутили надо мной и похуже. Косухин быстро принял правила этой порочной игры и стал стебаться в ответ: звал меня обезьяной за смуглую кожу и фальшивую энергичность, которую я напускал на себя, подражая героям аниме в жанре сёнэн.

Некогда невинный Косухин сильно преобразился от общения со мной. На уроках мы рисовали поверх линеек и клеток кровавые трэш-комиксы под бледно-зелеными обложками: «похабные тетради», как называла их возмущенная учительница по черчению. На переменах мы исполняли переполненные абсурдом гадкие «хиты» нашей акапелла-хардкор-группы «Секс с Иисусом». После уроков – набережная или скамейки в торговых центрах, но чаще всего бесконечная железная дорога под ногами и бесконечные разговоры. Взрослели мы медленно. Время прикидывалось, будто не существует.

В конце девятого класса Косухин резко, практически за ночь до неузнаваемости похудел, вслед за этим побрился налысо и с удивительной легкостью впервые послал деспотичную бабулю по единому для всех деспотов адресу.

Майское солнце отражалось от парт, одноклассники весело шлепали Косухина по затылку. Он смеялся, предчувствуя новое и, что важнее всего, ощущая свою готовность к этому новому, чем бы оно на деле ни оказалось.

Потом было лето, которое пронеслось, как всегда, непонятно куда и как. А осенью всё навсегда изменилось. Мы оба влюбились, точнее, как это называлось у нас, растеклись. И хотя растеклись мы не по одной, а по разным девчонкам – вскоре от дружбы осталась лишь стопка похабных тетрадей.

*

Косухин лишился девственности на груди покрывок в одноэтажной заброшке недалеко от моста. После этого все изменилось бесповоротно. Косухин вышел оттуда на снежно-осенний, рано темнеющий воздух полностью подконтрольным. Не успел он как следует отвыкнуть от бабкиной тирании, как тут же нашел себе новую законодательницу.

– Ну а что мне поделат, Угрюмов? Она заявляет, что если я буду проводить с вами время вдвоем, без нее, то никакого мне секса, – печально оправдывался он, вызывая во мне презрение пополам с отчаянием.

Общение было, пожалуй, единственным, что могло эффективно меня отвлекать от ужаса первой влюбленности. Воспаленная реальность кидалась со всех сторон, захлестывала за борт. В этом шторме Косухин оставил меня одного.

Иногда мы ходили гулять втроем, и Лиля, поджав театрально губы, бросала ревнивые, полные наигранной ненависти взгляды, вела себя как ребенок, ни о чем не давала поговорить, привлекала внимание всеми доступными способами: в любую секунду могла начать декламировать всё того же «Черного человека», или кататься по земле, или – чаще всего – убежать, и Косухин обязательно бросался за ней вдогонку, а я, посмотрев немного им вслед, надевал наушники и шел дальше один.

– Я буду официально признан конченным долбоёбом, если еще хоть раз куда-то с вами пойду, – говорил я ему на следующий день.

Но, кроме Косухина, мне толком не с кем было общаться, так же как и Косухину было не с кем трахаться, кроме Лили. Так что, пару недель пробродив в одиночку и слегка от одиночества прихуев, я снова шел с ними гулять или сидеть у Слаломы в гараже, сразу же вспоминал, насколько это ужасно, заново клялся, что больше ни-ни, и следующие две недели опять ходил по сырому, заснеженному, дождливому, ветреному городу один, катая в голове подростковые мысли, тяжелые, как шары для боулинга. Потом всё заново повторялось.

Косухин прекрасно всё понимал, и ему было совестно. На одном из немногих уроков физики, которые он посетил той осенью, Косухин спросил:

– Почему бы вам, Павел, себе не найти Веронику какую-нибудь? – на нашем с ним постепенно уже забываемом дружеском языке слово «Вероника» обозначало усредненную девчонку, служило женским аналогом слова «Васёк». – А то шлетеесь всё один да один. Неужели настолько свет клином сошелся прям? Я не верю. Да и вообще, вам скоро семнадцать лет, а вы девственны, как свежесвыпавший снег, притом что совсем не уродец. Как-то позорно себя в непонятную яму сажать. Подростковая ебля – это прекрасно. Поверьте на слово.

Никто из нас не заметил, как это «поверьте на слово» вошло мне иголкой под кожу, скользнуло в вену и стало плыть по ней, медленно дрейфовать, чтобы в последний день лета добраться туда, откуда достать ее было не так-то просто.

*

За рабскую привязанность к Лиле, за похоть, за слабоволие мелкий презирал когда-то Косухина, но в итоге и сам расквасился как сопля. Охлаждение Лили мелкий переживал болезненно, а она, поселившаяся в его голове, нашептывала ему: никому ты не нужен, никому ты не интересен, кроме меня, да и мне уже тоже не интересен, так и останусь я у тебя единственной половой партнершей за жизнь, кого ты еще, ссыкунишка, сумеешь привлечь? Он злился, намерен был доказать и ей, и себе свою привлекательность. Он подкатывал с этой целью к ушедшим после девятого одноклассникам, которых запомнил как легкомысленных и призывно косящихся на него; например, Веселухе писал с батареек смягчающих смайлов: «Привет! Приходи ко мне как-нибудь, выпьем, посмотрим кино». – «С чего это вдруг?» – «Да просто». – «Не хочу, да и мой молодой человек будет против». «Маладой цилавек...» – передразнивал он и швырял телефон на диван. Вера тоже не радовала, снова сошлась с Антонио, и в течение тех пятнадцати дней, пока длился их нерушимый союз, мелкий видел не раз, как она в коридоре с блеском в глазах сидит, запрокинув ноги ему на колени. «Дура! – он думал. – Хуй я трезвым больше на вальс приду!». Его последней радостью оставалась офисная дама из Болгарии, с которой он давно еще познакомился на специальном сайте трансляций для взрослых, где активно себя транслировал до тех пор, пока его не забанили за малолетство, но контакт этой зрительницы остался, и они с ней часто созванивались по видеосвязи, правда, без звука и с камерой, включенной у него одного: офисная дама каждый раз оправдывалась тем, что находится на работе, и мелкому приходилось довольствоваться лишь предельно откровенными, сделанными заранее фотографиями, которые она присылала ему. Правда, мелкий не знал, что по ту сторону экрана находилась никакая не дама, а престарелый бисексуал из Мадрида, присылающий фотографии своей бывшей

жены. Но и он той весной, насмотревшись вдоволь на подростковый безрадостный онанизм, молча самоустранился из жизни мелкого. Мелкий остался ни с чем. Даже прогулки по излюбленному маршруту не утешали. Город его душил.

*

Чем ближе становились экзамены, тем очевиднее было отсутствие у Косухина шансов достойно их сдать. Я кое-как вывозил благодаря еженедельным походам к полубезумной репетиторше, похожей на старуху-процентщицу, а вот Косухин, изначально более способный, чем я, совсем уже не справлялся. Его перспективы в начале десятого класса настолько сильно не совпадали с результатами в конце одиннадцатого, что казалось, будто его кто-то проклял, оставив из всех проявлений интеллекта одно только бесполезное красноречие. Но белый флаг Косухин не выбрасывал ни в какую, время от времени заявлял, что всерьез окопался в учебниках, даже – немисливо – отказывался с известной целью ходить к Лиле в гости. Но то ли уже было поздно что-либо предпринимать, то ли вместо физики он, заперевшись дома, занимался просмотром реслинга: правильные ответы в пробниках были так редки, что принимались Тамарой Владимировной за случайность.

– Переводился бы ты на другой профиль, на обществоведение какое-нибудь. Не портил бы мне статистику, – с досадой говорила она. – Только поздно переводиться, уже весна на дворе. Полгода назад еще говорила тебе: Косухин, переводись! А теперь ничего уже не поделать. Останусь без премии, ну и бог с ней. Переживу. А вот ты-то как дальше будешь?

Я задал ему тот же вопрос. Мы шли по железке вдвоем. Лиля больше не запрещала ему ходить без нее, либо он перестал ее слушаться. Это было уже не важно. Под солнцем заката рельсы блестели, как две раскаленные спицы, воткнутые в горизонт. На мосту Косухин ботвелл мне:

– Да нагнетает она, Тамара эта Владимировна. Кое-как на минимальном хуи вытяну и пойду на педагогическом хуи пинать.

– А если не вытянешь?

– Тогда в армию. Там свои плюсы.

– Это какие?

– От Лильки за год отвыкну и отвяжусь. А она тут нового ебаришку себе найдет или даже нескольких поменяет. С этим у нее проблем нет, насколько тебе известно, – с ухмылкой глянул он на меня. – Только вы не подумайте, Павел. Я, если что, ничуть не в обиде и зла на вас не держу.

– А ведь имеете право, Косухин. Все-таки я вас нешуточно предал.

– А я вас до этого – разве нет? Бросьте, Угрюмов. Вам ведь прекрасно известно, что предательство – жлобская категория. Каким надо быть пошляком, чтобы к ней всерьез обращаться? Не разочаровывайте меня, дорогой.

– Не буду, Косухин. Вы тысячекратно правы.

Мы оба хотели быть циниками, но получалось лишь притворяться ими. Мы не умели не чувствовать боль, но умели это скрывать. Отрицали предательство как категорию, но мучились совестью, предавая.

– А что до моих экзаменов и прочих жизненных мелочей, то вы бы лучше о себе лишний раз поразмыслили, Павел, ей-богу. Живете-то вы нукудышно совсем.

– Это еще почему, позволяйте полюбопытствовать?

– А потому что жуете то, что дают. Вам нравится Вера, а сношаетесь с Лилей, да и то, насколько мне известно, с переменным уже успехом. У вас очевидная склонность к иностранным языкам, а учитесь на физмате, потому что родители вам велели идти на физмат. Городишко наш – сами говорите – вам противен и тесен уже, но вы намерены здесь и дальше понемножечку подгнивать. А если куда и поедете поступать, то в город Архангельск – такой далекий, что можно по этим вот шпалам за пару часов до него дойти. Правильно говорю? Вам ведь лишь бы забраться в пыленький закуток и там тихо сидеть, как тритон ваш в аквариуме, работать скрытой видеокамерой забесплатно, быть наблюдателем, дожидаясь конца, довольствоваться едва пригодным, всячески избегая лучшего. Такая у вас натура, Угрюмов. Рекомендую задуматься на досуге.

Его слова меня цепанули.

- А сам-то ты нормально живешь?
- А мне уже похуй на всё, дорогой мой. Только не так, как некоторым страдальцам, а по-настоящему.
- Это как? – усмехнулся я.
- Ну, допустим, идешь ты по железной дороге, а навстречу катится поезд. Но ты продолжаешь идти, спокойно, без паники, не сдвигаешься ни на шаг. И вот он уже ревет, как в жопу ужаленный слон, а ты идешь и идешь себе. В результате он либо успевает затормозить, либо размазывает тебя по шпалам. Оба варианта подходят тебе в равной мере. Вот что такое похуй.
- Мне стало не по себе. Косухин говорил об этом, отбросив ужимки, отбросив высокий стиль. Он говорил серьезно. Так серьезно, как ни о чем давно уже не говорил. На горизонте что-то блеснуло. Стекло головного вагона? Нет, показалось. Мы шли и шли. Болтали уже о другом, несерьезно, с ужимками. В тот вечер поезд так и не встретился нам.

*

Банникова на несколько дней пропала, не появлялась в школе и не выходила на связь. С ней бывало такое, когда родители уезжали куда-то, оставляли ее в квартире одну. Лиля предложила, а мы с Косухиным согласились вместо последнего урока Банникову навестить. С нами увязался еще и Слалом.

- Иди домой. Она тебя не звала, – пыталась слить его Лиля.
- Она и вас не звала! Зачем вы ей там нужны? Ей вообще ничё не нужно.
- Всем нам что-нибудь нужно, – стал рассуждать Косухин, в последнее время вместо реслинга увлекшийся восточной философией. – Хотя, быть может, на данный момент она ближе всех нас подошла к тому, чтобы оказаться в нирване.
- Ты о чем это?
- О буддизме.
- Буддизм это чё? Дрочить типа?
- Ну почти.
- Ты давай не пизди. Какая еще нирвана? Она там, наверное, из кровати вылезит только чтобы поссать.

Слалом был прав. Добравшись по устрашающим коридорам муравейника-дома до нужной квартиры, мы долго трезвонили и долбили ногами в дверь, пока не раздался сонный вопрос:

– Кто там?

Слалом пальцем прикрыл глазок.

– Всадники апокалипсиса! – гаркнул Нуна Косухин.

Банникова почему-то открыла. Она пахла мужской раздевалкой, смотрела рассеянным взглядом, одета была в кигуруми-пижаму в виде коровы.

– Ты нам не рада? – спросила Лиля.

– Рада, наверное. Но не всем. Проходите.

Огромный телевизор, стереосистема, посудомоечная машина, барная стойка, за которую сразу уселся Слалом, взгромоздившись своей здоровенной задницей на высокий стул, пока Нуна и Лиля пошли курить на просторную лоджию, с которой виден почти весь город – ни за что бы не смог подумать, что Крюгер – брат Банниковой – жил в такой богатой квартире. Он никого к себе не пускал, и я был уверен, что он, как и многие, кто был в той компании, происходил из неблагополучной семьи.

– А можно зайти к Диме в комнату? – аккуратно спросил я у Банниковой, которая забралась обратно под плед. – Мы ведь с ним типа дружили и все такое.

– Зайди. Только не меняй ничего местами.

Я приврал ей, какая дружба, скорее я был в числе тех, кого он не слишком сильно кошмарил. Из всей той компании отмороzków он, ее возглавляющий, оказался единственным, чью судьбу я неверно предугадал.

Поворачивая ручку, открывая дверь в его комнату, я ожидал хотя бы там увидеть звериную клетку, гадюшник, карцер – в общем, что-то Крюгеру соответствующее, – но нет. Если комната чем-то и отличалась от всей остальной квартиры, то разве что легким запахом сигаретного дыма, вьедшимся в мебель и стены, а также неоднозначным набором постеров: голая негритянка, красная пентаграмма на черном фоне, группа Slipknot, эмблема футбольного клуба «Спартак», а под ней приколочена полка, на которой медали, кубки и грамоты, фото юношеской команды, капитаном которой он – Дима Крюков – был до того, как прикончил какого-то мужика, тоже связанного с футболом, вроде даже бывшего тренера. Обезглавил его, расчленил и зарыл в снегу чуть правее набережной, в тех местах, которые Нуна и Баня называли «медузы поля» и любили купаться там летом. Говорят, что менты, арестовавшие его где-то через полгода, так и не смогли до конца понять, ради чего Крюгер сделал это. Родственники тем более.

– Ну вы где там, Павел? – донеслось из гостиной. – Мы отыскали клондайк!

Напоследок я попытался хотя бы чуть-чуть приподнять огромную гирию, обнаруженную в углу, но не смог. Осмотрелся еще раз, поежился, вышел за дверь.

Слалом и Нуна изучали этикетки бутылок, найденных в барном шкафчике: бренди и джин, текила и виски, иностранная водка, обыкновенная водка тоже была.

– Устроим дегустацию? – подмигнул мне Нуна.

– Хозяйка не против, – поддакнул Слалом.

– Только немного, – уточнила она.

– Если немного, – заговорила Лиля, – то без таблеток не обойтись.

– Они почти кончились у меня.

– Значит, сходи в аптеку.

– Лилечка, ты же помнишь, что было в прошлые несколько раз, когда мы принимали их вместе с алкоголем... – сопротивлялась Банникова из последних сил.

– Почти не помню, в том-то и дело. Что может быть лучше? Неси их сюда.

– Но они же для тех, у кого депрессия...

– Ты за кого нас держишь вообще? Мы что, по-твоему, похожи на тех, у кого ее нет?

– Мы оптимисты, вот по нам и не видно, – подключился к вымогательству Косухин. – Депрессивные оптимисты!

И Банникова сдалась.

*

Утопая в мяготи дивана, я плавно передвигал свой взгляд от предмета к предмету, исследовал натюрморт: посреди прозрачной водочной лужицы на журнальном столике возвышалась пустая бутылка с дозатором, еще одна полупустая, пузатая, с золотистым изысканным содержимым лежала поблизости, а вокруг валялись блистеры из-под таблеток, как искореженные доспехи на бессмысленном поле боя.

Телевизор беззвучно показывал передачу про диких рептилий. Я закрывал глаза, чтобы моргнуть, а когда открывал их – картинка уже успевала смениться. Зубами лязгали крокодилы, гекконы перебирали лапами, вращали глазами хамелеоны, жабы прыгали с ветки на ветку, змеи спаривались толпой, вараны жрали мертвого буйвола, глотали куски, не жуя.

Меня передергивало от этих зрелищ, и я хотел крикнуть, чтоб нахуй выключили, но сразу же забывал, отвлекался на что-то еще. Например, на Косухина, который из нас единственный находил в себе силы буйствовать: Лилля и Баня лежали в обнимку под пледом; Слалом уснул на ковре, хотя еще даже вечер не наступил; я, вжавшись в диван, боролся с чувством, будто меня утягивает в мясные тоннели змеиных ртов. А Косухин вовсю резвился. Он подпрыгивал, делая акцент на приземлении, как будто пытался пол проломить, рычал и хрипел, хватался за волосы, погружался в недобрый транс.

– Может, хватит? – выдавил я, имея в виду варана, который ронял на горячий песок ядовитые слюни, уставившись прямо в камеру. – Ради бога, вырубите вы эту мерзость.

Никто не пошевелился. Только Косухин замер.

– Может, хватит... – повторил он за мной стремительным полусшепотом. Лицо его прояснилось, как будто он только что открыл закон всемирного тяготения. – Может, хватит?

Убивать он себя не планировал, я уверен, иначе бы просто шагнул в окно. Нуна просто хотел обновиться. Слишком многое в нем, как и в каждом из нас, накопилось за этот год. Он решил экстренно освободиться от лишнего, и выбрал для этого, как ему показалось, самый эффективный и эффективный путь.

– Может, хватит? Может-хватит... Можетхватит!

Кровопускание.

Косухин схватил с барной стойки длинный кухонный нож, прижал к запястью и несколько раз полоснул. Лиля вскочила, и я оживился тоже, как будто бы нас не мазало как последних медуз буквально секунду назад.

Лишнее выплеснулось из Нуны густой красной струйкой на бежевый ковролин. Нуна Косухин заулыбался блаженно и стал наблюдать за кровью, струящейся в несколько ручейков. Лиля приблизилась осторожно.

– Нуночка, отдай мне, пожалуйста, ножичек.

Косухин отвлекся от крови и поднял на Лилю умиротворенные, чуть побледневшие глаза просветленного.

– Пока ты еще чего-нибудь не натворил – отдай, хорошо? – она протянула руку.

Немного помедлив, Косухин покорно протянул ей нож, но вместо того чтоб отдать, в последний момент полоснул по ладони.

– Ты придурок, что ли?! – Банникова поднялась с дивана.

Косухин расхохотался. Она схватила одну из бутылок с остатками пойла и увела Лилю в туалет – обрабатывать рану. Косухин внимательно рассмотрел окровавленный дважды нож у себя в руке, открыл окно и швырнул его наружу. Секунд через пять послышался лягз об асфальт и визг.

На экране змея поела чужие яйца, отложенные в песке.

Я наудачу засунул руку под плед, которым укрывались девчонки, и в складках дивана с первого раза нащупал пульт. Случайно ткнул не туда и вместо того, чтобы выключить телевизор, вернул звук, зачем-то выставленный на полную громкость, подкрепленную мощной системой колонок.

– ЧЕРЕЗ ТРИ НЕДЕЛИ У ЭТОЙ ЗМЕИ НАЧИНАЕТСЯ ЛИНЬКА. ОНА ТРЕТСЯ О ШЕРШАВУЮ ПОВЕРХНОСТЬ, ПОКА КОЖА НЕ ЛОПАЕТСЯ, А ПОТОМ ПОКИДАЕТ ЕЁ.

От оглушительного дикторского голоса Слалом проснулся, стал сонно водить своим рылом, пытаясь вспомнить, где он находится. А Нуна тем временем принялся рисовать. В качестве краски использовал кровь. В качестве кисти – палец. Он рисовал на окнах, на подоконниках, на кремовых обоях с аквамариновой полосой, на всем, что ему попадалось.

Диктор не затыкался:

– РАЗНООБРАЗИЕ ОТТЕНКОВ НА ТЕЛЕ ЭТОЙ САМКИ ХАМЕЛЕОНА НЕ ОСТАВЛЯЕТ СОМНЕНИЙ, ЧТО ОНА ГОТОВА СПАРИВАТЬСЯ И ИЩЕТ ПАРТНЕРА.

Пульт не работал больше. Похоже, что батарейки в нем разрядились. Ничего не получалось, все путалось. Я отбросил эту бессмысленную пластмассу с кнопками, сполз с дивана и сел на полу. Выдавил две таблетки из почти опустевшего блистера, проглотил. Слалом уткнулся в телефон, играл там в какие-то гонки, а Косухин всё рисовал, рисовал, и бордовый узор из змеистых линий, кругов и спиралей обволакивал нас, покрывая стены квартиры.

*

– Ты грязный. Грязнула ты. Слышишь?

Это она про кровавый рисунок на лбу. Я никак не отреагировал, даже не пошевелился, когда Косухин его рисовал. Настолько надежно работали шестеренки таблеток, смазанные бухлом. Да и сейчас продолжают, работают еще как. Сколько времени прошло? Без понятия. За окнами светло, почти как и было. Значит, еще не стемнело. Или уже рассвело. Может, сутки прошли? Может, двое суток? Скорее каких-нибудь полчаса.

– Слышишь или не слышишь? Ты грязный! Тебя надо срочно помыть.

Ладонь у Лили перебинтована. Из комнаты, переполненной голосом диктора, Лиля ведет меня за руку в ванную. Там открывает кран, затыкает сливное отверстие черной резиновой пробкой. Ванна медленно наполняется теплой водой. Нужно подождать.

– Кто это у тебя на лбу нарисован? Ящерка? Змейка?

Я не знаю, кто нарисован у меня на лбу. Я не смотрелся в зеркало и не буду. Какая мне разница, кто нарисован?

– Похоже, что ящерка, – она говорит.

Мы сидим на мягком ковре и разглядываем друг друга. Мне хочется поцеловать Лилу, но она это делает первой. Потом ложится и задирает свое темно-синее платье. Колготки разорваны между ног. Я знаю, кто их разорвал. Косухин, кто же еще? Когда Банникова ушла в аптеку, а Сла-лом вышел на балкон поговорить со своей девчонкой, они закрылись и на двуспальной кровати родителей делали это как можно громче, чтобы я слышал и мне было больно. И мне было больно.

Лиля шумно дышит и отворачивает лицо в сторону. Закрыла глаза, нахмурилась, плотно сомкнула губы. Похоже, происходящее не сильно ей нравится. Мне тоже не сильно. Мне никак. Просто двигаюсь по инерции. Пытаюсь себя убедить, что нравится, но не чувствую ничего. Ничего, кроме дикого, непонятно откуда взявшегося желания сделать ее беременной. Чтобы у нас был ребенок. Чтобы она объявила об этом снова, теперь всерьез. Но проблема вся в том, что для этого необходимо чувствовать ещё что-то, а я не чувствую ничего, я скольжу вхолостую, и «повальси-руй со мной, мой сладенький, я твоя Верочка» в этот раз не поможет. Дверь открывается, кто-то невозмутимо перешагивает через нас, берет полотенце, уходит. Нам всё равно. Пусть хоть все трое смотрят. Не на что тут смотреть.

– Может, всё? – предлагает Лиля.

Она права. Мы разъединяемся, стягиваем остатки шмоток с себя и заглядываем в ванну, подкравшись к бортику на четвереньках, как любопытные звери. Ванна почти пустая, не заполнилась даже на треть. То есть мы возились совсем недолго, а казалось, что дольше некуда – так утомительно это было. Нам не терпится, мы не можем ждать больше, мы забираемся в ванну. Сидим друг напротив друга. Вода прибывает. Пока что в ней только наши зады и ступни, но это лучше, чем ничего. Лиля намыливает меня шампунем с запахом миндаля. Действует только левой рукой, ведь правая перебинтована. Трёт меня розовой мягкой мочалкой.

– Кто это у нас тут такой грязнуля?

Мне хочется ей сказать «Я люблю тебя», но вместо этого из меня вырывается:

– Хрю! Хрю-Хрю!

– Мне нравится тебя мыть.

– Хрю-хрю!

Ванна наполнилась до середины. Банникова стучится и входит, хотя могла бы и не стучать. В руках у нее фарфоровая кукла. У Лили дома много таких, очень похожих на эту. Банникова берет со стиралки пластмассовый гребешок, присаживается на край ванны. Надув и без того огромные губы, она бережно расчесывает кукле волосы. Наконец решается заговорить.

– Лиля, мне кажется, ты ведешь себя жестоко. И гадко. А еще мне кажется, что ты никакая не лесбиянка. Насчет себя я тоже не уверена, но мы ведь договорились с тобой попробовать. И договорились, что все у нас будет честно. А в итоге вот что, – она бросает ревнивый взгляд на меня, а потом снова пялится в рожу кукле. – И я действительно испытываю к тебе чувства. Настоящие чувства. А люди и их чувства – это не игрушки, ты понимаешь, Лиля?

Не думаю, что Лиля понимает. Она даже не смотрит на Банникову, ни разу не посмотрела. Она продолжает сосредоточенно меня мыть.

– А эту куклу, – всхлипывает Банникова, – я хотела тебе подарить на последнем звонке. Но не буду. Потому что ты сука! Потому что ты мразь поганая!

Она выбегает. Мы с Лилей снова наедине.

– УХАЖИВАНИЯ БОЛЬШИНСТВА ХАМЕЛЕОНОВ НЕЖНЫЕ, НО В ЭТОЙ ПУСТЫНЕ САМЦЫ И САМКИ ТАК РЕДКО ВСТРЕЧАЮТСЯ, ЧТО ОНИ НЕ МОГУТ РИСКОВАТЬ БЫТЬ ОТВЕРГНУТЫМИ, – доносится из двери, которую Баня оставила после себя распахнутой.

Лиля всё так же невозмутимо моет меня до тех пор, пока мыльная вода не ползет через край, проливаясь на пол, и только тогда она говорит:

– Вот и всё, ты теперь чистенький, – и выдергивает пробку.

Вода с урчанием убывает. Мы кое-как вылезаем из ванны. Выглядываем за дверь. Тучи размякли, солнце переместилось, квартира впустила в себя очень много пыльного солнца весны. Голые мы, фальшиво счастливые, брызгаясь и смеясь, выбегаем под эти лучи, жадно под них подставляем, пробуем их проглотить.

– НЕСМОТРЯ НА ВСЕ СЛОЖНОСТИ НА ИХ ПУТИ, РЕПТИЛИИ ЯВЛЯЮТСЯ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ПРОЦВЕТАЮЩИХ КЛАССОВ, ЖИВУЩИХ НА ЗЕМЛЕ, – успевает сказать ведущий прежде, чем я нахожу нужный провод и с наслаждением вырываю его из розетки.

Стены все изрисованы. Тело куклы с задранным платьем лежит на полу отдельно от головы. Бани и Слаломы нет, и из запертой комнаты слышатся их совместные звуки. Похоже, что Слаломы можно поздравить, но кто захочет его поздравлять?

На балконе Нуна Косухин сидит перед синтезатором. С важным видом и ровной осанкой он выглядит как виртуоз. Разминает пальцы, прикрывает глаза и делает вдох поглубже. Быть может, он хочет исполнить Моцарта? Или Баха? Вряд ли, ведь Нуна Косухин совсем не умеет играть. Все, что он может исполнить нам – это жуткую какофонию. Саундтрек наших жизней, пугающий птиц и других гармоничных существ. И он исполняет, он долбит по клавишам сильно и хаотично. И мы выбегаем туда, на балкон, беснуемся голыми дикарями. Пляшем под милую нам антимузыку дёрганный антивальс.

VI

*Школой нашей гордимся,
С ней навек породнимся,
Мудрый учитель и класс наш родной,
В сердце всегда со мной.*

Какие жестокие в этом припеве слова. Навсегда сохранить в сердце то, что хочется поскорее оттуда вышвырнуть, если уж не получилось совсем туда не впускать.

Это есть на видео, которое снимал мой отец: мы всем классом стоим на сцене, украшенной белыми, синими и красными праздничными шарами. Парни в пиджаках, девчонки зачем-то с косичками и в уродливых фартуках под советских школьниц. Играет гимн, написанный малахольной училкой по музыке. Мы с Косухиным не подпеваем, даже не делаем вид. А Лиля, конечно, поет эту чушь во весь голос, широко открывает рот по-актерски, тщательно проговаривает все звуки, умудряется еще и улыбаться при этом.

Напротив сцены сидят учителя, а за ними стоят родители. Среди них мать Лили, похожая на свинью-мутанта из компьютерной игры про Чернобыль, популярной в конце нулевых. Мы с Косухиным тычем друг друга локтями, стараемся не смотреть на нее – сердитую и немного растерянную, давимся смехом неловкости, потому что за час до этого, в десять утра, сидя на подоконнике мужского туалета на втором этаже, Косухин мне сообщил:

– Не удивляйтесь, Павел, если в кратчайшие сроки ее мамаша оторвет нам приборы.

– Это еще почему?

– Присаживайтесь поудобнее.

Наши приплюснутые тени на кафеле, окруженные шевелением листьев, передавали друг другу небольшую стекляшку клюквенной сладкой настойки.

– Дело в том, что маман нешуточно обеспокоилась, узрев руку Лили перебинтованной после наших культурных, так сказать, посиделок. И, обеспокоившись, вознамерилась чуть больше узнать о дочкиных развлечениях, предпочтениях и увлечениях. А доча, как обычно, забыла выйти на общем компе из аккаунта, и мать прочитала за ночь всю летопись, всю переписку с тобой и со мной, и даже полюбовалась на идентичные гениталии придурочных близнецов из качалки. В общем, прямо сейчас она сонная, всезнающая и злая.

– Ну и ну, Косухин. Вот это вы меня огорошили, браво.

– Рад слышать. Но, в сущности, предполагаю, что нам ничего не грозит. В крайнем случае, с моей бабкой и вашим отцом будет проведена крайне неловкая, не ведущая ни к чему беседа, но разве нам это не безразлично?

– Безразлично вполне.

– Вот и я вам о том же толкую.

Перебрасываясь и дальше бессмыслицей, мы допили настойку и поторопились на церемонию: прогулять собственный последний звонок было бы даже для нас с Косухиным чересчур.

*Сделать душу добрее,
А поступки мудрее,
И тогда будет легче
Долететь до желанной звезды.*

– Ноги просят танца у вас? Мы ведь скоро вальсируем, помните? – шепчет подлец Косухин.

– Не напоминай, – отвечаю я.

Хоть мы и выпили немного клюквенной в туалете – я охуенно волнуясь, зеваю безостановочно, у меня при волнении так всегда.

– Да ладно вам, Павел, уроним этих кобыл на поддержке, представьте как замечательно будет! Зеваю еще. И еще.

А потом не знаю, что именно произошло, может, сраный гимн как-то съездил мне по мозгам или повлияла общая атмосфера мероприятия, или божья снизошла благодать, но на пару долгих счастливых секунд волнение отступило. Я отвлекся от учителей и родителей. Отвлекся от волнения насчет вальса, отвлекся от мысли, что вот он, последний звонок – и всё, еще одного не будет, потому он и назван последним. Отвлекся от всего этого барахла. И посмотрел на нас с Косухиным со стороны. Но не в стиле обличающей фразы «Посмотри на себя со стороны!», а беспристрастно, медитативно, как будто стал отцовской видеокамерой и навел на нас двоих фокус.

Неловкие жесты. Несформированные характеры. Непредсказуемые поступки. Некто патлатый в мятой рубашке навывпуск и некто стриженный коротко, в рубашке розовой, заправленной под ремень. Кто мы? Не спортсмены и не задроты, не уроды и не красавцы, не альфаши и не додики, не герои и не злодеи, невнятные полудурки, мамонт и обезьяна. Мы безуспешно воспитывали в себе равнодушие ко всему. Убеждали друг друга в том, что не существует любви, а на следующий день кому-нибудь в ней признавались. Критиковали каждого, кто хотел показаться не таким, как все, и сами же пытались за счет этого выделиться. Сосредоточенные на ерунде. Слишком честные в мелочах и слишком лживые в главном. Тормознутые, но безрассудные. Мы были такими, какими были, и не поддавались классификации.

Наконец-то гимн кончился. Все расселись по местам. Из нашего класса не было только Банниковой, которая все-таки укатила на месяц в дурдом.

Началось что-то вроде концерта. Учителя толкали фальшивые, полные пафоса речи, а одноклассники разыгрывали смешные сценки. Вернее, подразумевалось, что смешные, а на самом деле нисколько, нелепые в лучшем случае, в худшем – вообще никакие. Сначала про ученика, который пытался списать на экзамене, и за ним тут же пришли из военкомата, потом что-то бесстыдно украденное из КВН, а потом – не знаю, потому что меня потрогали за плечо и позвали за кулисы.

Мы стояли в темноте, один за другим, в строгом отрепетированном порядке. Все знали, что на последнем звонке вальс – это самое главное, поэтому все волновались, хоть и очень старались этого не показывать.

- Готовы прожаривать тёлочку?
- Всегда готовы!

Со сцены доносились шутки, но за кулисами они слышались так, будто произносились не в микрофон, а в подушку. Потом прозвучали аплодисменты.

«Только бы не уронить», – подумал я и зевнул.

Еще несколько неразборчивых фраз. Это ведущий объявил, что сейчас будет вальс. Все при- тихли, выпрямились. Первый аккорд приготовился зазвучать. Азербайджанская певица Сафура приготовилась выть свою серенаду.

«Только бы не уронить», – подумал я снова и снова зевнул.

*

На школьном крыльце мы, напялив выпускниковские ленты, отпустили в небо стаю красных шаров. Каждый смотрел на свой и пытался распознать судьбу по его движениям, но очевидных знаков не наблюдалось: ни один из шаров не застрял на дереве, не лопнул и не запутался в проводах. Приподнявшись достаточно высоко, они с помощью ветра унеслись над городом, разлетелись, и уже там, недоступные наблюдению, цеплялись за колючую проволоку, болтались на магистральных, плавали на волнах, попадали в руки младенцам и в зубы бродячим псам.

Мы в это время топали в центр. Там, пока большинство одноклассников возлагали цветы к военному мемориалу у мэрии, мы со Слаломом, Нуной и Валей (начиная с Нового года, он стал спиваться интенсивнее многих из нас) прикончили в тихом дворе бутылку дешевого коньяка, из-за которого в сочетании с аномальной жарой у меня чуть позже, на высушенной солнцем и переполненной выпускниками площади заструилась из носа кровь. Девчонки дали мне пачку влажных салфеток. Кровотечение остановилось, когда единственный в городе парк аттракционов вовсю нас приветствовал визгом и традиционным запахом горелого шашлыка.

Мы выстроились в очередь, намеренные воспользоваться эксклюзивным правом выпускников прокатиться бесплатно на колесе обозрения. Ржавые корзинки проплывали мимо, забирая нас небольшими порциями. Вера стояла чуть впереди меня и метила с подругами в одну партию, но когда уже подходила их очередь – подруги отвлеклись на ростовую куклу в виде придурочной зебры из мультика, на что Вера выдала растерянное «э», а грозная контролерша, приставленная к аттракциону, уже готова раскрывать хайло, чтобы, не дай бог, корзинка не отправилась вверх пустой.

И тогда я, сам от себя такого не ожидая, взял аккуратно Веру за локоть, провел на пару шагов вперед, и защитная цепь с крючком на конце отделила нас от толпы. Вера разводила руками, давая понять, что она ни при чем, и вообще это сами они виноваты. Удивленные дуры-подруги были все дальше и дальше от нас.

Потом она повернулась ко мне и, прямо как перед первым вальсом, насмешливо вздернула бровь.

– Целоваться не будем, – сказал я, – даже не мечтай.

Вера искренне рассмеялась. Обычно я радовался, когда удавалось ее рассмешить, но в этот раз было как-то без разницы, и я взглянул на нее, смеющуюся, спокойно. Вера и с этими гадкими косичками, и в этом отвратном фартуке советской школьницы была привлекательна, хоть уже и не так, как в начале года, и уж точно не так, как в десятом. Что-то ощутимо менялось в ней с каждым месяцем, что-то неуловимое уходило. «А что же тогда через год, через два, через десять?» – прикинул я.

- По-моему, вальс прошел идеально.
- Главное, что я тебя не уронил.
- О да! За это спасибо.

- Всевышнему.
- У нас правда всё получилось.
- И мы даже не были хуже всех?
- Вот именно!

Позже она посмотрит внимательно видео, снятое моим отцом, и все же найдет в нашем танце немало ошибок и недочетов, но пока что она довольна и даже счастлива, поднимается на колесе обозрения, а я, чтобы она не была такой уж совсем беспечной, спрашиваю:

- Почему ты предложила именно мне?
- Тяжелый вздох № 7 из коллекции Веры.
- Уже надеялась, что не спросишь.

Но это не ответ. А с ответом она не торопится. Смотрит вдаль. Мы как раз подбираемся к вершине не слишком высокого колеса – самого бессмысленного аттракциона в парке. Перед нами роскошный вид на выкрашенные в грязно-зеленый, покосившиеся бараки ближайших районов, так называемый «старый город».

- Есть три причины.
- «Причина первая – ты долбоёбка, причина вторая – он долбоёб...».
- Чего ты смеешься?
- Да так, просто кое-что вспомнил не в тему.

Нуна с Лилей уже прокатились на колесе и стоят у забора. Я вижу их с высоты. Свободной от сигареты рукой Лиля сжимает палку с розовым набалдашником сладкой ваты. Нуна улыбается и показывает мне фак.

- Во-первых, ты мне по росту подходишь.
- Не я один. Но другие уже были заняты?
- Вроде того, – пытается Вера смягчить ответ. – Это как раз во-вторых. А в-третьих, я точно знала, что ты не откажешься. Поэтому и предложила. Извини? – говорит она, не уверенная, стоит ли за такое вообще извиняться. Я не уверен тоже.

Сойдя с колеса, мы медленно двинули к выходу мимо советских качелей-лодочек на двоих, мимо тира, каруселей и автодрома, в котором однажды я маленький разогнался и специально врезался в стену зачем-то, разбил себе нос.

- Можно теперь я спрошу? – спросила Вера. – Мне любопытно просто. То, что про вас с Лилей все говорят, – это правда?
- Да, мы действительно нашли однажды мертвого инопланетянина, приготовили его на костре и съели.
- Ты в своем репертуаре, – закатила она глаза.

Мы вышли из парка.

- Хоть на этот раз вы позволите до остановки вас проводить?
- Так и быть, – сказала она и продемонстрировала экспонат № 73 из своей коллекции грустных улыбок.
- На заливе ночью увидимся? Все идут.
- Не надо, не все. И я не пойду. Чего мне там делать? На пьяных смотреть? Спасибо, отца хватило.

«Вечно они трясутся со своими папашами», – думаю я, а говорю другое:

- Можно ведь и самой побыть пьяной. Ради разнообразия.
- Мне не нравится. Я же пробовала. Всё как будто выходит из-под контроля. Что угодно может произойти.
- Ты не поверишь, но пьют как раз ради этого.
- Верю. Но понять не могу. Что хорошего в этом? По-моему, ничего.

Я бы мог на ходу сочинить и задвинуть теорию о том, почему одни люди тянутся в водовороты хаоса, а другие их избегают, мог бы целую лекцию прочитать, рисуя пальцем на небе графики, но остановка была совсем рядом, и автобус приехал сразу, как только мы к ней подошли.

– Удачи тебе на экзаменах!

– И тебе, – я ответил.

Двери закрылись, Вера уехала. Это был самый продолжительный и самый мирный наш диалог. Насмотревшись автобусу вслед, я шел на район и думал о том, насколько мы разные с ней. Я думал: «Ну разве могло у нас что-нибудь получиться? Она называет книгу про Холдена Колфилда наркоманией и считает грустными все песни без ярких взрывных припевов. Ей не нравится в алкоголе то, что я в нем больше всего ценю. В конце концов, она живет всего в двух остановках отсюда и едет домой на автобусе, а я на другой конец города прусь добровольно пешком». Еще через пару кварталов подумал: «А с чего я решил, что она сейчас едет домой? Так ли много вообще я знаю о ней?» С этой мыслью прошел еще пару кварталов, остановился и все-таки сел в автобус.

*

В пустой гостиной неведомо сколько уже часов на повторе крутилась видеозапись вальса, выведенная на телевизор. Мамы не было дома, как и не было ее утром в актовом зале: за пару дней до последнего звонка она укатила в отпуск.

– Иди сюда, тут закат охуенный, – послышался нетрезвый отцовский голос с незастекленно-го, с видом на набережную балкона.

– Щас, переоденусь только.

Я прошел в свою комнату, сбросил надоевший за день пиджак и стал рыться в шкафу: для ночного вливания на заливе мне требовалась одежда, которую не жалко провонять костром. Нашел ветровку, в которой с Лилей ходил к мосту. Достал и краем глаза заметил: что-то не так с аквариумом.

Тритон лежал лапами вверх. Полупрозрачная пленка кожи отшелушивалась от бледного брюха. Я привычным движением пошевелил аквариум. Вдруг он не умер все-таки? Вдруг он просто уснул еще крепче, чем спит обычно? Пошевелил сильнее. Из его приоткрытой пасти вырвался стусок зеленой жижи.

– Ну ты где там? – крикнул отец. – Охуенный закат, говорю.

Я вышел к нему. Отец восседал в одних плавках и солнцезащитных очках на белом пластмассовом стуле. Рядом стояла почти пустая бутылка бурбона. Не первая, судя по нему.

– Ну вы с этим вальсом, конечно, вообще, блин, – сказал он, восторженно похохатывая. – Ну вы, конечно, вообще...

Я сел рядом на точно такой же стул. Уставился в горизонт. Закат охуенным не был. Обыкновенный закат.

– У тебя с Верой что-нибудь было же, да? – игриво спросил отец. Ему пришлось потрудиться, чтоб склеить звуки между собой.

– Не было, нет.

– Да ладно тебе, признайся, чего ты? – он скособоченно улыбнулся и приложился к бутылке.

– Умер тритон.

Отец не расслышал.

– Было, да, говорю.

*

Ага, с тех пор у меня не только имени нет, но и тела. Смерть, как выяснилось, тот же сон, только без необходимости есть, испражняться и просыпаться по воле какого-нибудь недоумка, который трясет аквариум, желая убедиться, что я живой. Я не живой. И трясти меня негде и некому. Так мне живется, пардон, существуетея гораздо легче, гораздо свободнее. Я так могу погружаться и дальше, и глубже, чем раньше. А когда мне надоедают галактики, черные дыры, океаны, фракталы и древние цивилизации, когда начинает хотеться чего-то попроще и поглупее, я наблюдаю за мелким. Ему двадцать пять сейчас. Почему-то именно этот возраст упоминала Лилия во многих своих пророчествах, ни одно из которых не сбылось. Инженером он так и не стал, кожаным портфелем

не обзавелся; девушки нет, но есть документ о расторжении брака; живет не в одной квартире с родителями, а в тысячах километров от них. Я наблюдаю за его жизнью, как будто смотрю развлекательный телеканал, хотя на первый взгляд кажется, что развлекательного там ничего, но я-то умею подмечать в его поведении те уморительные чудачества, которые досконально успел изучить еще при жизни с ним в одной комнате. Самому ему кажется, будто он сильно изменился со школы, но кроме щетины и дополнительных пятнадцати килограмм я не вижу в нем нового ничего, как и во всех остальных героях этого текста. Разумеется, все они приспособились, илифанули углы, научились скрывать свою дикость, устроились на заводы, повыходили замуж, повыбрасывали фарфоровых кукол, пооткрывали бизнесы по наращиванию ногтей, некоторые обзавелись совестью, некоторые даже детьми, но в основе своей остались ровно теми, кем были. Это не плохо и не хорошо, но хорошо и не плохо. Просто все в глубине остаются ровно такими, как были всегда, еще до рождения. И со всеми случается только то, что с ними должно случиться. С этим удобно спорить, достаточно просто сказать, что если бы Паша Угрюмов в последний день лета не побоялся и не побрезговал сесть со Слаломом на мотоцикл, то и не было бы всей этой истории, фрагменты которой мне выпало вам рассказать. Но подобным образом рассуждать может только тот, кто не видит невидимое. А я, как известно, вижу. И стремлюсь, как всегда, к запредельному. В том числе за пределы этого текста, куда мелкий без спроса меня втянул. Неумолимо подходит к концу мой последний фрагмент. Пора. Дел поважнее нет, но есть развлечения поинтереснее. К ним я, пожалуй, и устремлюсь, поставив невидимый добрый смайлик в конце. Если что, я нигде. Не теряйте.

*

Одним тритоном не обошлось. Когда почти все экзамены были уже сданы, у бабушки умер кот. Родители часто вспоминали шутку из интернета: «Детство продолжается до тех пор, пока ты младше кота». Кот умер в двадцать три года. У меня в запасе было еще целых пять лет детства, если той шутке верить. Но я не верил. Мне казалось, что детство либо уже закончилось, либо продлится вечно. До выпускного оставалось несколько дней.

Он проводился в кафе на дальней от нас окраине. Через дорогу шумел скандально известный клуб, где каждые выходные случалась как минимум поножовщина. Правее был въезд в гаражный кооператив, огражденный забором с колючей проволокой. На всех фотографиях, где нарядные одноклассники, стоя у входа в кафе, смотрят якобы в светлое будущее, – они смотрят либо на маргинальный клубешник, либо на гаражи. Я же предпочел лишний раз не фотографироваться, равно как и не участвовать в глупых конкурсах. Это был мой способ саботировать выпускной – праздник, определяемый нами с Косухиным как торжество показухи. Косухин вообще туда не пошел и скидываться не стал, а неохотно выданные бабулей деньги забрал себе и устроил самостоятельный праздник. Я так сделать не мог. Мама твердо была намерена наверстать пропущенный последний звонок, говорила мне, что выпускной – это прежде всего для родителей. И отчасти была права. Во всяком случае, нагружались родители гораздо мощней.

Как только бабица-тамада отошла в туалет на минуту – микрофоном сразу же завладел чей-то тучный отец и стал говорить длинный тост, приплетая туда всё подряд:

– ...и мне вспоминается, как старшина сказал нам: «На эти два года я буду для вас и папкой, и мамкой, ёбаный в рот!» – кто-то из учителей закашлялся, поперхнувшись. – Ну так вот, о чем это я? Спасибо вам, дорогие классные руководители, за то, что эти сколько-то лет, – он пьяно икнул, – вы были для наших детей и мамками, и папками...

– А мы-то кем были тогда? – выкрикнула какая-то из мамаш.

– Да никем, – буркнул он и рухнул обратно на стул. Последние силы его покинули. Все израсходовались на тост.

«Лучше бы микрофон дали мне, я бы что-нибудь пободрее задвинул», – подумал я. Но если бы мне действительно предоставили слово тогда, то ничего интересного я бы, конечно же, не сказал, в лучшем случае отшутился бы и поскорее вернул микрофон обратно.

А вот если бы мне его дали сейчас, то я бы точно не растерялся.

Я бы встал, обязательно поднялся на сцену и, выдержав необходимую паузу, приступил к говорению:

– Не такие уж уважаемые учителя. Не слишком любимые родители. Не дорогие совсем одноклассники. Вот и закончились школьные годы, которые старшее поколение так любит напрасно превозносить. Было много всего. Кое-чего даже многовато. Слишком много, я бы сказал. Слишком много уроков и перемен. Слишком много черных гелевых ручек и репетиторских душных квартир. Слишком много крикливых птиц, мешающих спать по утрам. Слишком много крови и дыма, нетрезвой искренности и слёз. Слишком много мата и ревности, недоверия, желчи и ярости, грехота, смеха, порнухи, таблеток, бутылок, яда, стыда. Слишком много энергии. Слишком много вранья. Слишком много зверства и детства, жадности и влюбленности. Слишком много второстепенного. Маловато лишь доброты.

Тут я на пару секунд замолкаю, позволяя как бы дотронуться своей речи до дна и полежать там немного, прежде чем она поплывет обратно, на свет.

– Но однажды мы вспомним эти времена, когда проблемы влюбленности, девственности и покупки бухла без паспорта нам казались самыми душераздирающими из возможных. Вспомним и улыбнемся слегка брезгливо. Потому что к тому моменту все мы изменимся изнутри до полной неузнаваемости. Мы ведь каждую секунду меняемся и не становимся прежними никогда. Так давайте же выпьем за то, чего вот-вот навсегда лишимся. За беспечную тяжесть, за местную анестезию в районе совести, за невысказанные страдания по пустякам. И за то, что душа подростка – это лишь уникальное сочетание наихудшего, что есть в ребенке и взрослом. Ура?

Несколько секунд сохраняется молчание. Слышно, как булькает вода в унитазе, утягивая в канализацию кал и мочу тамады. А потом взрыв оваций, и вот меня уже подкидывают под потолок, звучит коллективный вопль эйфории, который длится так долго, что перерастает в сирену, призывающую к беспорядкам. Отцы дерутся между собой, хохоча, как пираты в мультиках; матери целуются друг с другом всасос; учителя бьют бокалы и лезут на стол; выпускники перестают позорно бегать курить за угол кафе и свободно, прямо перед родителями закуривают в помещении; парни выстраиваются в очередь, чтобы пожать мне руку, но мне не до них: я забираюсь обратно на сцену, где меня ждут музыканты-задроты, но играют они в этот раз безупречно, а я безупречно ору в микрофон, и мы исполняем какое-нибудь говнище, смазливый поп-панк, звучащий во всех одинаковых фильмах про колледж и красные пластиковые стаканы. Девчонки, конечно же, сбросили платья и лезут на сцену голые, но откуда-то взявшиеся секьюрити их не пускают туда, и они довольствуются немногим: кидают в меня трупы со сколькими пятнами выделений, срывают визгом свои голоса. И только Вера продолжает спокойно сидеть за столом и смотреть на происходящее с насмешливой жалостью, ковыряя фруктовый салат.

*

Взрослые разъехались по домам, а мы остались еще дотанцовывать. Часа в два ночи закрылось кафе, и Лиля предложила соблюсти выпускную традицию: встретить на набережной рассвет. Ей – как, впрочем, и мне, – это было очень удобно, она ведь жила там рядом, и получалось, что ее как будто бы провожает домой весь класс.

– Постоите, какой рассвет? И так светло! – опомнился Валя на полпути. И правда. Белые ночи были в самом разгаре. – Да и к тому же набережная ваша – в северо-западной части города. Там солнце садится, а не встает!

Но заднюю давать было поздно, и все шли дальше, перебрасываясь пустыми словами, передавая полупустые бутылки. Город казался мертвым. Из-за белых ночей можно было забыть, подумать, что никакая это не ночь, а пасмурный день, и почувствовать, будто произошел конец света, а мы – единственные, кто выжил.

Веры не было с нами. Не было и Антонио. В четыре утра у воды, недалеко от мелуэских полей и тритоньей могилы, среди камышей и колотого асфальта оказались лишь самые отчаянные из нас. Чего стоил хотя бы Валя, который, слегка проблевавшись черной масляной жижей, похожей

на нефть, моментально воспрял и поспорил со Слаломом, что пройдет по берегу босиком: от края до края набережной.

Скинув туфли и закатав штаны, под одобрительные возгласы нас, находящихся в сухости и безопасности, он начал свой путь по колено в холодной воде. Перед каждым следующим шагом ему приходилось сквозь мутную воду осматривать тщательно дно, чтобы не наступить на осколок. Осколков там было много.

Мы с Лилей сидели на бетонном, исписанном баллонами ограждении метрах в трех над водой. Лиля беспечно болтала ногами.

- Может, к тебе? – предложила она.
- Родители дома. Да и вообще, я решил завязать со всем этим.
- Со всем – это с чем?
- С тобой.
- Точно решил?
- Ага.

Булькнула рыбка-подросток, проплыв слишком близко к поверхности, практически вынырнув, как дельфин.

- А если я тебе скажу, что у меня квартира свободна?
- Ну попробуй, скажи.
- Квартира свободна, – по-клоунски всплеснула руками Лиля.
- Рад за тебя.
- Уёбок, – отрезала Лиля с наигранной злобой. – Козлина и хмырь. Ссыкун и девственник ты.

Вдалеке крикливые птицы, расправив крылья во всю ширину, пролетали над самой водой, старались вылавливать рыб. Ничего у них не получалось.

- Мама дома на самом деле. Я просто хотела тебя проверить. Это экзамен такой.
- И как результаты?
- Похоже, действительно всё.
- Надеюсь, что физику сдал еще лучше.
- Придумал, куда поступать?
- В Ярославль попробую. И в Рязань. У меня там дядя живет. В целом не важно, куда. Лишь бы подальше, и всё.

- Тебе, что ли, правда похуй на свою судьбу?
- Типа того.
- Ты врешь.
- Да, я вру.
- Ты дурак. А ещё кто ты – знаешь?
- Не знаю.
- Девственник и ссыкун!
- Неужели?
- Да-да! Которому одежду родители выбирают!

Валья тем временем прошел уже половину, и ему надоело осматривать дно. Он шагал все смелее и всё сильнее полагался на интуицию и удачу. Некоторые шутивно старались ему подгадить, поспешно опустошали свои бутылки и сбрасывали их вниз, на камни, лежащие прямо у него на пути. Валентин сохранял спокойствие. Старался не отвлекаться.

Лиля спросила:

- Хочешь желание загадать?
- Какое еще желание?
- Любое. Для этого надо кинуть кое-что в воду.
- Монетку, что ли? Не, возвращаться я не хочу.

- Не монетку, – она протянула ладонь, на которой лежало два глазика. Я отшатнулся. Она засмеялась. – Говорю же, ссыкун! Это пластмассовые. Я вырвала их у шапки-панды, сезон кон-

чился, да и надоела она мне уже. Вообще-то ты тоже мне надоел, но не бойся, тебя калечить не буду. Бери один глаз.

Я взял. Рассмотрел его. Недонечто мелькнуло в гладкой поверхности.

– Загадывай и кидай.

Я не стал загадывать ничего. Просто бросил. Лиля тоже бросила вместе со мной. Две пластмасски плюхнулись в воду почти одновременно.

– Что загадал?

– Не скажу. Иначе не сбудется.

– Это правильно. Лучше не говорить.

Позади, над домами, поднялся рассвет, и вода вдалеке чуть подкрасилась в розовый вместе с чайками, все так же бестолково летающими над ней.

Возобновили после ночного отдыха свою работу судьбоносные аппараты. Продолжили опускать свои механические ладони на наши бланки, заполненные черными ручками. Определять изогнутые и прямые, длинные и короткие, счастливые и несчастные пути дальнейшего обучения. Если бы в тот конкретный момент мы выдержали пару секунд тишины и хорошенько сосредоточились, то, возможно, смогли бы каким-то образом уловить негромкое их жужжание, переходящее в шепот о чем-то гораздо большем, чем результаты экзаменов. Но секунды были упущены.

– УАААА!!! – послышался крик Валентина с того конца набережной, где мы сидели в последний день лета на плитах.

– Это он наступил на осколок? – нахмурилась Лиля. – Или обрадовался, что выиграл спор?

– Не знаю, – ответил я. Издалека действительно трудно было понять, крик это радости или боли. – В каком-то смысле ведь однохуйственно, разве не?

2022–2023